

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
ПЕРМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ № 237

ЖИВОЕ СЛОВО
В РУССКОЙ РЕЧИ
ПРИКАМЬЯ

ВЫПУСК 2

ПЕРМЬ — 1971

От редакции

С этого выпуска сборника примеры, иллюстрирующие живую речь, будут подаваться в орфографической записи. И лишь в тех случаях, когда прочтение орфографической записи по нормам литературного языка резко расходится с особенностями местной речи, будут использоваться отдельные элементы упрощенной транскрипции. В частности, для передачи долгих твердых ШШ и ЖЖ (иногда упростившихся в Ш, Ж), соответствующих долгим мягким Ш'Ш' и Ж'Ж' литературного произношения, после них пишутся гласные Ы (женшишына, воишык, вожжы и т. п.), О (ишоки), Э (ишэть).

Редакционная коллегия:

С. Ю. Адливанкин, А. А. Бельский, О. И. Богословская, М. А. Генкель (главный редактор), Р. В. Комина, Ф. Л. Скитова, С. Я. Фрадкина.

Ответственный редактор выпуска — *Ф. Л. Скитова.*

Т. И. Ерофеева

О ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ВАРЬИРОВАНИИ УСТНОЙ ФОРМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

(на материале речи пермской интеллигенции)

К постановке проблемы

Никогда вопросы культуры речи, языковой политики не привлекали к себе такого пристального внимания исследователей и самих носителей языка, как в настоящее время. И никогда еще не ощущалась так остро необходимость постановки вопросов культуры речи на прочной научно-теоретической основе, предполагающей прежде всего знание жизни современного языка во всех его разновидностях.

В многогранной, сложной жизни языка есть такие стороны, которых ученые почти не касались. К ним относится и вопрос о территориальном варьировании современных литературных языков в их устной форме, в том числе и современного русского литературного языка.

До недавнего времени лингвистика изучала в основном письменную речь, уделяя мало внимания устной форме литературного языка. Между тем решение проблем функционирования и развития языка, взаимодействия литературного языка и других форм языкового общения, культуры речи и многих других вопросов, вплоть до научной разработки методики преподавания русского языка в школе, предполагает изучение современного живого разговорного языка. Один из крупнейших лексикологов и лексикографов страны Л. С. Ковтун, говоря о теоретических посылах создания словаря подлинно современного литературного языка, подчеркивает, что «путь создания подлинно нормативного словаря современного рус-

ского литературного языка... лежит через широкое изучение разговорной речи нашего времени»¹.

О русском литературном языке, как едином, но вместе с тем внутренне сложном и варьирующемся на огромной территории явлении, говорил еще академик И. И. Срезневский и указывал в своих «Замечаниях о материалах для «географии» русского языка» на необходимость изучения русского литературного языка «в пространственной проекции»².

Отдельные черты местного своеобразия литературного языка подмечались многими лингвистами. Так, И. А. Лундель указывал на колебания в речи «образованных людей», вызванные областными наречиями³, это же отмечали Ф. Корш⁴ и А. И. Томсон⁵. Академик А. А. Шахматов в «Очерке современного русского литературного языка» посвятил специальную главу диалектным элементам, встречающимся в речи литературно образованных людей⁶. Однако теоретически эта проблема не разрабатывалась.

В 20-е годы XX века Б. А. Ларин обращал внимание ученых на неотложную необходимость изучения языка города: «Мы опоздали с научной разработкой языкового быта города, да и нигде до сих пор она не производилась широко и систематически. Если бы картографически представить лингвистическую разработку, например, современной Европы, то самыми поразительными пробелами на ней оказались бы не отдаленные и неприступные уголки, а именно большие города... Но именно оттого, что изучение «языка города» не сложилось до сих пор, так шатки и неполны у нас и исторические, и стилистические объяснения литературных языков»⁷.

В 1959 году в «Вопросах языкознания» появилась статья Р. Р. Гельгардта, показывающая на примере разработок немецкого лингвиста П. Кречмера, какие интересные результаты может дать изучение литературного языка в пространственной проекции⁸. Р. Р. Гельгардт говорит о территориальном варьировании русского литературного языка в устной форме как о реально существующем факте и отмечает: «Об-

¹ Л. С. Ковтун. Лексические нормы русского языка и разговорная речь. «Современная русская лексикология». М., 1966, стр. 20.

² «Вестник Имп. Русского географич. об-ва», ч. 1, кн. 1. СПб., 1851.

³ И. Лундель. Об изучении говоров. «Изв. Русского географич. об-ва», т. XXII, Приложение. СПб., 1887.

⁴ Ф. Корш. О русском народном стихосложении. «Сб. отделения русского языка и словесности АН», т. XVII, № 8, 1901.

⁵ А. И. Томсон. Общее языковедение. Одесса, 1910.

⁶ А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, изд. 4. М., 1941.

⁷ Б. А. Ларин. О лингвистическом изучении города. «Русская речь», под ред. Л. В. Щербы. Новая серия, III. Л., 1928, стр. 61.

⁸ Р. Р. Гельгардт. О литературном языке в географической проекции. «Вопросы языкознания», 1959, № 3.

ширность и прерывность территории затрудняют и даже исключают постоянные связи между всеми членами данного национально-языкового коллектива, обладающими различными языковыми навыками...

В различных, часто отдаленных друг от друга районах распространения языка появляются те или иные черты своеобразия или местные отступления от общелитературной нормы... Местные варианты русского литературного языка создавались в результате сложных исторических процессов, которые не приводили к возникновению новой языковой единицы, существенно отличной от системы языка литературного, но которые вызвали в отдельных моментах сближение литературного языка с областными диалектами»⁹.

Однако позицию Р. Р. Гельгардта разделяют не все лингвисты. Многим кажется, что признание территориального варьирования литературного языка означает разрушение традиционно признанного единства и строгой нормированности литературного языка, т. е. его основных признаков, а следовательно, и самого литературного языка в целом.

Разрешение этого вопроса, как и всякого другого, требует не только отвлеченно-теоретических разработок, но также и исследований его на широком фактическом материале.

Привлечение широкого фактического материала поможет разрешить те вопросы, с которыми сопряжена в целом проблема территориального варьирования литературного языка, начиная с определения самого понятия литературного языка (в частности, его устной формы) и кончая вопросами о сущности нормы, о границе между варьированием нормы и нарушением, отступлением от нее.

Обычно понятия «варьирование литературного языка» и «отступление от нормы» под воздействием местного диалекта четко не разграничиваются.

На кафедре русского языка и общего языкознания Пермского университета работа в русле проблемы территориального варьирования литературного языка начата в 1965 году. Под руководством доцента Ф. Л. Скитовой работает специальный семинар, участники которого ставят своей основной задачей наблюдение над речью представителей пермской интеллигенции, выявление степени соответствия ее нормам литературного языка.

За эталон литературной нормы принималось произношение, рекомендуемое пособиями «Русское литературное произношение» Р. И. Аванесова (М., 1959) и «Русское литературное произношение и ударение. Опыт словаря-справочни-

⁹ Там же, стр. 95.

ка» под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (М., 1959)¹⁰. Все наблюдения проводились только над разговорной речью нейтрального стиля.

Неразработанность проблемы поставила нас перед необходимостью поисков методики исследования.

На первых этапах работы был использован метод изучения собственной речи¹¹. Исследователь выявил степень соответствия вокализма, консонантизма и постановки ударения собственной речи тем образцовым нормам, которые излагаются в названных выше пособиях.

Но подобный метод работы не позволял информатору (он же и исследователь) быть до конца беспристрастным и выявить свое обычное произношение звуков и слов. Поэтому на втором этапе работы самонаблюдение проводилось по рукописным спискам слов, в которых не была указана литературная норма.

В дальнейшем функции информатора и наблюдателя были разделены. Но и в таком виде прием имел существенные недостатки, ибо «естественность» произношения снижалась тем, что информатор знал цель работы и произносил отдельные слова вне фразы.

Этот недочет был устранен, когда слова, в пределах которых велись наблюдения, были включены в специальный текст, чтение которого транскрибировалось и записывалось на магнитофон.

Впоследствии тексты для чтения были переработаны в своеобразные игры «для проверки смекалки»¹², и тогда ни один из информаторов не мог знать подлинной цели наблюдений.

На всех этапах поисков методики, обеспечивающей быстрое получение материала, параллельно велись и наблюдения над повседневной речью представителей пермской интеллигенции.

Для сравнения работа велась не только с пермскими, но и с иногородними информаторами, представителями интеллигенции Москвы, Ленинграда, Тулы, Саратова, Кирова.

В этой статье использованы данные, полученные от 44 пермских информаторов — уроженцев и постоянных жителей города Перми — и 10 иногородних информаторов.

¹⁰ В дальнейшем мы будем называть последнее пособие «Словарь-справочник».

¹¹ В целом ряде дипломных и курсовых работ студентов филологического факультета за 1966—1967 гг. использован именно такой метод.

¹² Описание подобных заданий содержится, в частности, в дипломной работе Г. К. Шардиной «К вопросу о существовании местных разновидностей современного литературного языка (из наблюдений над ударением, произношением гласных и согласных, морфологией и лексикой в речи пермской интеллигенции)». Пермь, 1968, рукопись.

Отмечая определенную неоднородность речи пермских информаторов, диалектически сочетающуюся с заметным и социально значимым единством ее, автор данной статьи предпринял попытку наметить основные группы информаторов. В качестве критерия был избран нелингвистический по своей природе, но влияющий на речевую практику людей фактор отношения к языковой культуре.

Наметились три группы. Первые две — носители литературного языка, имеющие высшее, но нефилологическое образование. По роду деятельности они не имеют тесного соприкосновения с наукой о языке. Это учителя начальных классов, преподаватели географии, биологии, математики, физкультуры; инженеры, врачи и т. п.

Первую группу (17 человек) составили информаторы, не обращающие внимания на речевую культуру и так или иначе связанные с диалектной средой.

Вторая группа (12 человек) — информаторы, следящие за культурой речи.

В третью группу (15 человек) вошли информаторы, имеющие высшее филологическое образование, в своей работе непосредственно соприкасающиеся с наукой о русском языке, уделяющие серьезное внимание речевой культуре. Это преподаватели русского языка и литературы, библиотекари, журналисты и т. п.

Особую, контрольную, группу составили представители различных специальностей, уроженцы Москвы, Ленинграда, Саратова, Тулы, Кирова — всего 10 человек.

В своей работе автор исходит из следующих положений:

1. Устно-разговорная форма литературного языка, как и письменная, представляет собой систему, обнаруживая при этом специфические черты. Одним из отличий ее от письменной является менее строгая нормализация, большая подвижность и изменчивость, большая проницаемость.

2. Объединяя всех носителей данного языка, литературный язык (его устная форма) вместе с тем неодинаково реализуется на различных территориях; местные особенности, и прежде всего территориальные диалекты, накладывают на него свой отпечаток.

3. Оценка всех случаев отступлений от образцовых норм в литературной устной речи (вызванных диалектным воздействием) как безграмотности приводит неизбежно к отказу от признания роли диалектов в развитии и совершенствовании литературного языка.

4. Не каждое отступление от образца, пропагандируемого специальными пособиями, является местным вариантом литературной нормы.

5. Одним из критериев вариантности литературной нормы является статистический фактор — относительная общеупотребительность на определенной территории. Другой критерий, сопряженный с первым, — соответствие вариантов тем системным отношениям, которые свойственны литературному языку в целом: варианты не должны противоречить системе.

Из наблюдений над речью пермской интеллигенции в области вокализма

Все отклонения от образцовой литературной речи, которые удалось зафиксировать в речи пермской интеллигенции, мы разделили на две группы:

1. Отклонения, характерные для абсолютного большинства пермских информаторов и относимые нами к фактам варьирования норм литературного произношения в разговорной (не сценической, не театральной) речи.

2. Отклонения, представляющие собою нарушение норм литературного языка (например, явления ёканья и др., отмеченные в речи информаторов первой и второй групп).

В настоящей работе вторую группу отклонений мы не рассматриваем, останавливая свое внимание лишь на отклонениях, представляющих собой факт варьирования норм литературного языка. В ней выделяются две подгруппы:

а) отклонения, вызванные воздействием пермских крестьянских говоров;

б) отклонения, вызванные воздействием письменной речи на устную. Эта причина, на наш взгляд, также может обуславливать территориальное варьирование литературного языка и поэтому рассматривается в нашей работе.

Наблюдения над произношением гласных и сопоставление полученных данных с нормой литературного языка показали, что разговорный язык всех групп пермской интеллигенции в той или иной степени несет в себе элементы влияния местных говоров.

Активным воздействием диалектной среды объясняется оканье в речи пермских информаторов. Различение фонем *о* и *а* внешне не резкое, но строго выдержанное, и потому оканье достаточно ощутимо.

По норме литературного языка в первом предударном слоге после твердых согласных фонемы *о* и *а* реализуются в звуке неполного образования — *а*, во втором предударном слоге и заударном положении — в звуке средне-заднего ряда второй степени редукции — *э*.

В речи же даже тех пермских информаторов, у которых реализация фонемы *о* не выходит за рамки норм литературного языка, фонема *а* представлена звуком, отличающимся от ударного, полновесного *а* лишь незначительной степенью краткости. Условно обозначим его *э̣*.

Наглядно это можно представить таблицей 1¹³, где

ЛН — литературная норма,

ПИ — пермские информаторы (цифра указывает их группу),

ПД — пермский крестьянский диалект.

Влиянием местного диалекта объясняется еще одна особенность речи пермских информаторов — явление еканья.

Если по норме литературного языка после мягких согласных в предударном слоге фонемы *а* и *е* реализуются в несколько ослабленном звуке переднего ряда, по степени подъема языка среднем между *и* и *е* — *и^е*, а во втором предударном слоге — в том же звуке, но более редуцированном, обозначаемом через *ь*, то в этих же условиях, а также в заударных слогах в речи пермской интеллигенции эти фонемы реализуются в звуке, отличающемся от ударного *е* лишь незначительной степенью краткости, — в *э̣*.

Подобное же явление фиксируется при реализации фонемы *е* после шипящих и *ц* в предударной и заударной позициях — вместо *ы^э*, как этого требует норма. См. таблицу 2.

Активное влияние местного крестьянского говора на речь пермской интеллигенции сказывается в произношении *и* в начале слова. В образцовом литературном произношении наблюдается влияние конечного согласного предшествующего слова на гласный *и* абсолютного начала последующего слова, в результате чего это *и* переходит в *ы*.

У информаторов же обратная зависимость — гласный *и* влияет на согласный, смягчая его. Ср.:

ЛН		ПИ — 1,2
[в ы]збе		[в' и]збе
[с ы]глой		[с' и]глой
сне[к ы]дет		сне[к' и]дет
	ПИ — 3	ПД
[в ы]збе	[в и]збе	[в' и]збе
[с ы]глой	[с и]глой	[с' и]глой
сне[к ы]дет	сне[к и]дет	сне[к' и]дет.

¹³ Таблица отражает лишь самое типичное в изучаемом вокализме. Частности, исключения в этом варианте работы сознательно опускаются. Транскрибируются только рассматриваемые звуки.

Таблица 1

Позиции гласных	Фонема	ЛН	ПИ-1	ПИ-2	ПИ-3	ПД
1. Абсолютное начало слова	а	[а]птека [ь]квивист	[ǎ]птека [ǎ]квивист	[ǎ]птека [ǎ]ппегит	[ǎ]птека [ь]квивист	[ǎ]птека [а]ппегит
	о	[а]трёзок	[а]трёзок	[а]трывок	[а]трёзок	[о]трёзок
2. Первый предударный слог	а	гл[а]за сл[а]ны	гл[ǎ]за сл[ǎ]ны	гл[ǎ]за сл[ǎ]ны	сл[ǎ]ны гл[ǎ]за	гл[а]за сл[а]ны
	о	в[а]прос к[а]ров	в[а]прос к[а]ров	в[а]прос к[а]ров	в[а]прос к[а]ров	в[о]просы п[о]ложить
3. Второй предударный слог	а	н[ь]писал з[ь]ходил	н[ǎ]писал з[ǎ]ходил	н[ǎ]писал з[ǎ]ходил	н[ь]писал з[ь]ходил	н[а]писал з[а]ходил
	о	ст[ь]ронá пр[ь]велá	ст[ь]ронá пр[ь]велá	ст[ь]ронá пр[ь]велá	ст[ь]ронá пр[ь]велá	ст[о]ронá пр[о]велá
4. Заударное положение	а	работ[ь]ли	работ[ǎ]ли	работ[ǎ]ли	работ[а]ли	работ[а]ли
	о	гóрод[ь]м	гóрод[ь]м	гóрод[ь]м	гóрод[ь]м	гóрод[о]м

Таблица 2

Позиции гласных	Фонема	ЛН	ПИ-1	ПИ-2	ПИ-3	ПД
1. Первый предударный слог после мягких согласных	а	[р'и ^э]дáми [йи ^э]зык	[р'е]дáми [йе]зык	[р'е]дáми [п'е ^н]тáк	[р'е ^н]дóм [п'е ^н]тáк	[р'е]дóв [п'е]тáк
	е	[л'и ^е]сóк [йи ^е]двá	[л'е]сóк [йе]двá	[л'е]сóк [йе]двá	[л'е ^н]сóк [йе ^н]двá	[л'е]сóк [р'е]кí
2. Первый предударный слог после шипящих и Ц	а	[ч'и ^е]сý	[ч'и ^е]сý	[ч'и ^е]сý	[ч'и ^е]сý	[ч'е]сý
	е	ж[ы ^э]лéзо ц[ы ^э]нá [ч'и ^э]ртá	ж[е]лéзо ц[е]нá ж[е]лтéть	ж[е]лéзо ц[е]нá [ч'е]ртá	ж[ы ^э]лéзо ц[ы ^э]нá [ч'и ^э]ртá	ж[е]лéзо ц[е]нá ж[е]лтéть, ж[о]лтéть
3. Второй предударный слог после мягких согласных	а	[л'ь]гушóнок	[л'е]гушóнок	[л'е]ревýнный	[л'ь]гушóнок	[л'е]ревýнный
	е	[в'ь]ликá [ч'ь]ловéк	[в'е]ликá [ч'е]ловéк	[в'е]ликá [ч'е]ловéк	[в'ь]ликá [ч'ь]ловéк	[в'е]ликá [ч'е]ловéк
4. Заударный слог	е	блiж[ы ^э]пóлогéнц[ы ^э] кáри[йи ^э]	блiж[е]пóлогéнц[е] кáри[йе]	блiж[е ^н]улиц[ем] кáри[йе]	блiж[е ^н]пóлогéнц[ем] кáри[йи ^э]	блiж[е]пóлогéнц[е] кáри[йе]

Другую подгруппу составляют особенности, вызванные влиянием письменной речи на устную, которые либо поддерживаются местным диалектом, либо не поддерживаются им.

1. Произношение форм именительного падежа единственного числа прилагательных и причастий мужского рода.

Безударное окончание именительного падежа единственного числа прилагательных и причастий мужского рода по старой московской норме полагалось произносить со звуком заднего ряда второй степени редукции — *ъ*. Между тем пермские информаторы произносят здесь нередуцированное *ы*. Ср.:

ЛН	ПИ — 1, 2, 3
умн[ъ]й	умн[ы]й
груб[ъ]й	груб[ы]й
закр[ъ]й	закр[ы]й

После мягких основ пермские информаторы произносят в этой форме окончание *-ий*. Вместо летн[ъй], горяч[ъй], лежаш[ъй] мы имеем у информаторов всех трех групп летн[ий], горяч[ий], лежаш[ий].

Подобное явление наблюдается в произношении прилагательных и причастий с окончанием *-ий* после заднебных *к, г, х*. Нормой разрешается двойное произношение (крепк[ъй] и крепк[ий]), пермские информаторы произносят прилагательные и причастия на *-ий* только со смягченным заднебным согласным и без редукции:

ветх[ий]
упруг[ий]
Островск[ий]

2. Произношение отчеств в соответствии с написанием. Ср.:

ЛН	ПИ — 1, 2, 3
Андр[ев]на	Андр[ейев]на
Васи[л'н]а	Васи[л'евн]а
Мих[алы]ч	Мих[айльви]ч

3. «Проявление» гласного в окончаниях прилагательных родительного падежа с основой на *в* (мужской и средний род) и глаголов на *-ивать*.

В речи пермских информаторов фиксируются звуки *о* и *ы* в заударном положении между повторяющимся *в*, тогда как литературная норма не предполагает наличия этих гласных звуков в данных условиях; утрата их компенсируется удлинением согласного *в*. Ср.:

ЛН	ПИ — 1, 2, 3
буко[вв]о	буко[въвъ]о
липо[вв]о	липо[въвъ]о
организо[вв]ать	организо[вывъ]ать
осно[вв]ать	осно[вывъ]ать

4. «Проявление» гласного наблюдается и в словах типа двою[ръдн]ый, трою[ръдн]ый. Образцовое произношение: двою[р'дн]ый, трою[р'дн]ый. Это явление можно объяснить и влиянием письма, и воздействием местного диалекта, которому свойственны очень малая степень редукции и большее равноправие слогов.

5. Произношение информантами первой и второй групп формы именительного падежа множественного числа с четкой артикуляцией звука *е* в окончании, тогда как по норме литературного языка полагается произносить звук *и*:

ЛН	ПИ — 1, 2	ПИ — 3
нов[ыйи]	нов[ыйе]	нов[ыйн ^е]
раскрыт[ыйи]	раскрыт[ыйе]	раскрыт[ыйн ^е]
летн[ыйи]	летн[ыйе]	летн[ыйн ^е]

Информаторы третьей группы произносят в этом случае звук, средний между *и* и *е*, артикулируемый ближе к литературной норме, но не равный ей.

Подобное произношение пермских информаторов можно объяснить, с одной стороны, влиянием письменной речи, с другой — воздействием местного говора с характерным для него еканьем.

6. Те же самые причины, на наш взгляд, вызвали особенности в произношении глаголов типа *танцевать, гарцевать*. Информаторы произносят после *ц* э^м: танц[э^м]вать, гарц[э^м]вать, а не *а*, как этого требует норма литературного языка.

С целью выявления территориального распространения отклонений от нормы литературного языка в области вокализма речь пермских информаторов сопоставлялась с речью представителей других городов.

Результаты наблюдений представлены в таблице 3, где «минус» обозначает отклонение от литературной нормы, а «плюс» — совпадение с ней.

Из наблюдений над речью пермской интеллигенции в области консонантизма

Абсолютное большинство случаев отклонений от нормы в произношении согласных, пропагандируемой книгой Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» и

Словарем-справочником, падает на произношение согласного перед последующим мягким согласным.

По рекомендации Р. И. Аванесова, губные согласные должны смягчаться перед последующим мягким согласным.

Таблица 3

Произношение	Пермь	Москва	Саратов	Тула
О и А в начале слова	—	+	+	+
О и А в 1-м предударном слог	—	+	+	—
О и А во 2-м предударном слог	—	+—	+—	+
О и А в заударных слогах	—	+	+—	—
Соединительной гласной в сложн. словах	—	+—	+	—
О и А после шипящих	—	+	+	+
Е и А в 1-м предударном слог	—(Е) +(А)	+	+	+
Е и А после шипящих и Ц	—	+—	+—	+—
Е и А во 2-м предударном слог	—	+—	+—	+
звука И в начале слова	—	—	—	—
Окончаний -ЫИ, -ИИ прилагательных и причастий муж. рода единств. числа	—	—	—	—
Окончаний -ЫИ, -ИИ прилагат. и причастий муж. рода ед. числа после К, Г, Х	—	—	+—	—
Глаголов на -ИВАТЬ после К, Г, Х	—	—	+—	—
Отчество	+—	+	+	+
Окончаний род. падежа прилагат. муж. рода с основой на В	—	+—	+—	+—
Окончаний -ЫЕ, -ИЕ в им. падеже мн. числа прилагательных и причастий	—	+—	+—	—

В речи всех пермских информаторов отмечено только твердое произношение губного:

[мн']ение ¹⁴	усо[мн']иться
о[бл']егчить	[пр']ямо
[пр']иветствует	[бр']едить
о[пр']еделить	о[бм']ереть

Не смягчаются в произношении представителей пермской интеллигенции и зубные согласные перед в':

[дв']ерь	[зв']енеть	за[св']етло
[дв']ижение	и[зв']инить	[св']ирепых
по[дв']ёртывать	и[зв']ёл	[св']ёртывать

По норме, утверждаемой книгой Р. И. Аванесова, они должны смягчаться.

Только твёрдо произносятся зубные и перед мягким губным м:

Лю[дм']ила	и[зм']ена	за[см']еяться
[Дм']итрий	ра[зм']ер	жа[см']ин

Не смягчаются перед последующим мягким и переднеязычные свистящие:

дву[ст']ие	единомы[сл']ие	[зл']ейший
дву[ст']ишие	заму[сл']енный	[зл']юка

Твердым остаётся сочетание *ст* перед губным мягким в:

есте[ств']енник
доволь[ств']ие
дей[ств']ие

И лишь слово *если* зафиксировано в двух произносительных вариантах: с твердым *с* перед последующим мягким *л* и с мягким: е[сл']и и е[с'л']и.

В целом потеря ассимилятивного смягчения согласных является общерусским процессом¹⁵, и поэтому особенность речи пермской интеллигенции указывает прежде всего на смену литературной нормы в диахронии. Она свидетельствует о том, что по природе своей диалектное произношение может быть вариантом образцового литературного языка, а затем и заменить собою то, которое когда-то было нормой.

¹⁴ Транскрибируются только те звуки, о которых идет речь в данной части работы.

¹⁵ См. Л. Э. Калнынь. Развитие категории твердости — мягкости согласных в русском языке. Уч. зап. Института славяноведения, т. 13, 1956.

Другой, достаточно яркой, хотя и реже фиксируемой особенностью речи пермской интеллигенции является диспалатализация и твердое произношение губных на конце слова.

На месте согласных в числительных *семь* и *восемь* информаторы первой группы произносят твердое *м*: се[м], восе[м]. Подобные явления, как показывают исследования¹⁶, — одна из особенностей пермских диалектов; поэтому примеры типа *сем*, *восем* следует рассматривать как прямое влияние диалектной среды. Не случайно многие представители второй группы (хотя далеко не все) произносят эти слова, не придерживаясь образцовой литературной нормы. Для третьей группы пермских информаторов это явление не характерно.

Не характерно для речи пермских информаторов, за исключением самых редких случаев, произношение долгого мягкого *ж*. Абсолютное большинство наших информаторов говорит во[жжы]. Мы склонны объяснять это явление воздействием диалектной среды: пермские говоры не знают мягкого долгого *ж*. Ср.: *Весь день дождж бѹдет. Со спотѹха ладится дожджѹть, со спотѹха направляется; Роса — это когда дождж дожджѹт и мелкие капельки остаются; Доброй ливень! Дожджѹт целую ночь. Чѹчас полѹло — и нашей картошке доста-лося* (Пермская обл., Красновишерский р-н, д. Акчим)¹⁷.

Некоторые особенности в области консонантизма генетически связаны с воздействием письменной речи на устную.

По образцовой норме не подлежат удвоению те согласные в иноязычных словах, которые в письменной речи передаются удвоенным написанием.

Пермские информаторы (это явление зафиксировано у представителей всех групп) произносят долгий согласный там, где пишутся удвоенные буквы:

ЛН	ПИ — 1, 2, 3
мета[л']ист	мета[л'л']ист
мета[л]оид	мета[лл]оид

Полностью произносят пермские информаторы и сочетание *здн*:

межзве[здн]ый
нае[здн']ик

А в образцовом литературном произношении *д* не должно звучать.

¹⁶ См.: Ф. Л. Скитова. Верхневишерские говоры Пермской области на современном этапе развития. Канд. диссерт. Пермь, 1961, машинопись.

¹⁷ Из материалов картотеки Акчимского словаря.

Из наблюдений над речью пермской интеллигенции в области ударения

Ударение выявлялось в пределах 45 000 слов (из 52 000, приведенных в Словаре-справочнике). Не учитывались односложные слова, малоупотребительные и незнакомые информатору-наблюдателю, а также слова с буквой *Е*.

В 437 словах были выявлены расхождения в постановке ударения в сравнении с литературной нормой, но исследованию подвергались лишь те слова (169 слов), произносительная вариантность которых характерна не менее, чем для двух из трех групп информаторов.

В некоторых случаях (их в целом немного) наши данные подтверждают правильность позиции авторов специальных пособий по культуре речи, оспаривающих ту норму, которая рекомендуется Словарем-справочником¹⁸.

В речи всех наших информаторов отмечено:

дебарка́дер, но не *дебаркаде́р*
кетá, но не *ке́та*
грѣнки, но не *грѣнкí*
ка́мфара, но не *камфа́ра*

Фактически это не является нарушением законов литературного произношения.

В значительной части случаев отклонения от нормы, пропагандируемой Словарем-справочником, по своему происхождению связаны с действием очень сильного в языке фактора — аналогии. Показательно, что сами информаторы очень часто обосновывают характерное для их речи произношение, ссылаясь при этом на соответствующие однокорневые слова или на слова сходной словообразовательной модели.

Например:

Воздействие на постановку ударения однокорневых слов	Воздействие на постановку ударения близких по морфологической структуре слов
амбару́шка — амба́р ¹⁹	брако́вщик — кладовщи́к
ана́том — анато́мия	быстрина́ — низи́на
узаконе́ние — зако́н	оле́нина — сви́нина
све́кольный — све́кла	му́скулисто́сть — рече́йство́сть
лозунго́вый — ло́зунг	обеспе́чение — давле́ние
гурто́м — гу́рт	попе́рчить — разме́чить

¹⁸ См.: Л. П. Крысин и Л. И. Скворцов. Правильность русской речи (М., 1965), где приводится двойное ударение в слове *грѣнки*: не только *грѣнкí*, но и *грѣнкí*.

¹⁹ Литературное ударение отмечается в нашей работе знаком над буквой (*á*), ударение индивидуального произношения — выделением ударного гласного (*а*).

дóверху — вёрх
встря́хнутый — встря́хну́ть
облегчи́ть — лёгкий

пристру́нить — закалѣть
афи́няне — славя́не
совести́ть — суши́ть и т. д.

Кроме того, выделяется группа слов, иноязычных по происхождению, в которых ударение ставится пермскими информаторами в соответствии с общей тенденцией постановки ударения в русском языке — ближе к началу слова:

арѣст	биту́м	дефи́с
некроло́г	экспе́рт	жалюзи́ и др.

Сопоставление ударения в речи пермской интеллигенции с литературной нормой показало, что есть группа слов, постановка ударения в которых вызвана воздействием диалектной среды. Они неоднородны и могут быть разделены на следующие подгруппы:

1. Слова, в которых ударение перетягивается на приставку или на более близкие к абсолютному началу слова слоги²⁰:

угово́р	опохмелѣ́ться
балова́ть	удя́щий
балова́ться	брыка́ться
балова́нный	дружа́щий
нави́тый	

Сюда же относится группа глаголов на *-ну* со свойственным ей переносом ударения ближе к началу слова:

мазну́ть	резу́ть
мину́ть	хлобыстну́ть
нюхну́ть	швырну́ть

2. Группа слов, в которых информаторы «перетягивают» ударение на *о*²¹:

боя́знь	августовский
бо́ры (складки)	кожу́х
полчасá	донага́

3. Отдельные слова с ударением, свойственным пермскому диалекту:

мо́кро	ломо́ть	неду́г
уди́лище	сумеречный	ягоди́ца
холё́ный	огни́во	

В ходе наблюдения выяснилось, что речь информаторов разных групп неоднородна в постановке ударения.

²⁰ Подобное диалектное явление отмечали И. А. Малафеев и Ф. Л. Скитова в работе «Культура речи» (Пермь, 1957).

²¹ Там же, стр. 53.

Одинаковы отступления в ударении от литературной нормы у пермских информаторов первой и второй групп в 67 словах:

августо́вский ✓	ма́сличный	пристру́нить
безуде́ржный	мину́ть	расхи́тить
багря́нистый	мо́кро	резу́ть
бо́ры	му́скулистый	свеко́льный
блуди́ть	нави́тый	сервиро́вать
бузи́на	неду́г	слѣсарский
брыка́ться	некроло́г	совести́ть
вало́м	несказáнный	спя́на
вето́шный	нюхну́ть	сто́лкну́тый
встря́хнутый	обжи́тый	сумерничáть
вта́чанный	обеспе́чение	уди́лище
гастроно́мия	облегчи́ть	упрости́ть
гренки́	обли́тый	ха́ркать
гурто́м	оку́нутый	ханжество́
деви́чий	опто́вый	холё́ный
дружа́щий	опохмелѣ́ться	холостѣ́ть
заса́хариться	отсвѣт	щавель
камфара́	осведо́миться	швырну́ть
ке́та	пи́хтовый	щегольство́
кожу́х	перержáвевший	ягоди́ца
креме́нь	полчасá	в я́слях
ломо́ть	попѣрчить	
мазну́ть	поуди́ть	

Информаторы третьей группы отступают от нормы, фиксируемой Словарем-справочником, в следующих 47 словах:

безуде́ржный	мину́ть	резу́ть
брыка́ться	нави́тый	свеко́льный
вало́м	неду́г	сервиро́вать
вето́шный	несказáнный	слѣсарский
встря́хнутый	нюхну́ть	совести́ть
вта́чанный	обеспе́чение	спя́на
гурто́м	облегчи́ть	сто́лкну́тый
деви́чий	оку́нутый	сумерничáть
дружа́щий	отсвѣт	уди́лище
заса́хариться	осведо́миться	упрости́ть
камфара́	перержáвевший	ханжество́
ке́та	пи́хтовый	холё́ный
кожу́х	попѣрчить	швырну́ть
мазну́ть	поуди́ть	щавель
креме́нь	пристру́нить	щегольство́
ма́сличный	расхи́тить	

В ряде перечисленных слов допускают отклонения все пермские информаторы.

Наблюдение над ударением в речи контрольной группы информаторов показало, что в пределах 22 слов (бузина, ветошная, греньки, дружащий, заржавевший, засахариться, кета, кожух, кремён, несказанный, обеспечение, облегчить, окунутый, оптовый, пихтовый, приструнить, свекольный, слесарский, сумерничать, ханжество, холёный, щавель) шесть иногородных информаторов так же, как и все пермские, отступают от норм, пропагандируемых Словарем-справочником. Следуют им только два информатора-москвича.

Думается, эти данные свидетельствуют о повсеместном колебании, а в ряде случаев и об устаревании норм ударения образцовой речи.

Интересен и тот факт, что отступления от нормы литературного языка, характерные для всех пермских информаторов, повторили и оба кировских. Видимо, такое совпадение является не случайным. Сейчас, пока наблюдения велись над речью ограниченного числа информаторов, трудно говорить о территориальном бытовании того или иного варианта литературного языка. Мы далеки от мысли трактовать произношение всех названных слов только как чисто пермское. Вполне возможно существование кировско-пермской полудиалектной зоны, тем более что наблюдается и определенная общность пермских и кировских народных говоров.

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов:

1. В речи представителей современной интеллигенции, живущих в различных городах, фиксируется немало отступлений от норм литературного языка, которые в качестве образцовых приводятся в специальных пособиях. В ряде этих отступлений отражается живой характер устной формы литературного языка, ее постоянная подвижность.

2. Представляется правомерным поставить под сомнение само понятие «образцовой нормы» (по крайней мере в том виде, в каком оно трактуется в специальных пособиях) — как единственно правомерной в литературном языке и тем самым позволяющей характеризовать все отклонения от нее как нарушение норм. Целесообразнее признать возможность варианты самой нормы.

3. Важное место в синхронной вариантности занимает вариантность, обусловленная территориальным фактором.

4. Речь интеллигенции города испытывает достаточно заметное воздействие местных говоров, которое порождает существование территориальных разновидностей литературного языка.

5. Речь представителей пермской интеллигенции не совсем однородна в своих деталях. Лица, по роду своей деятельности использующие повседневно филологические знания, уделяющие особое внимание вопросам речевой культуры, в большей степени придерживаются норм «образцового» литературного произношения и ударения.

6. Полученных нами данных, конкретизирующих пермскую разновидность литературной речи, еще очень мало. Разработка этой проблемы нуждается в целом ряде специальных исследований.

В. Г. Масалова

СЦЕНИЧЕСКИЕ НОРМЫ И МЕСТНОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ

Когда познакомишься со спектаклями драматических коллективов Перми и Пермской области (и при этом не только самодеятельных, но подчас и профессиональных), присутствуешь на концертах самодеятельности, первое, что обращает на себя внимание,—это речь исполнителей, ее пермский колорит, нередко противоречащий произносительным нормам литературного языка. Между тем, общеизвестно, что слово является главным, основным выразительным средством в драматическом и многих других видах сценического искусства. Благодаря слову драматический театр несет в народ передовые идеи времени, словом воспитывает и просвещает массы. И всякие неоправданные отклонения от норм сценической речи снижают художественное достоинство спектакля или выступления, мешают зрителю свободно, без затраты излишней энергии воспринимать идеи, заложенные в них. «Со сцены,—пишет один из крупнейших специалистов по технике сценической речи И. П. Козлянинова,—должно звучать общепринятое, единое, современное произношение. Чем лучше актеры владеют им, тем точнее доходит до публики содержание пьесы...»¹. Именно поэтому с такой большой требовательностью подходят в театре к слову, произносимому со сцены.

Но это не единственная причина, обуславливающая подчеркнутое внимание к сценической речи. Есть и другие. Театр был и остается не только хранителем, но и пропагандистом

образцовой русской речи как главного орудия общения. «Мы должны,—призывал известный актер Н. К. Черкасов,—с особой требовательностью относиться к слову, произносимому со сцены, еще и потому, что театр является одной из школ, где наша прекрасная могучая речь должна звучать во всей своей чистоте и силе»². О роли театра как школы образцового произношения писал в свое время один из виднейших лингвистов страны проф. Г. О. Винокур. Он говорил: «Необходимость сделать сценическое произношение чистым от местных красок хорошо объясняет, почему театр практически всегда тяготеет к единому и строгому произносительному канону, к такой произносительной норме, которая могла бы претендовать на роль образцовой и наддиалектной. Понятна поэтому и та громадная роль, которая обычно принадлежит театру в выработке произносительной стороны общенационального языкового единства. Театр становится школой общепринятого, правильного произношения для всех»³.

Овладение всеми нормами сценического произношения — процесс длительный и сложный, тем более что речевой рефлекс, выработанный с детства, — явление очень устойчивое. И хотя роль театра, кино, радио и телевидения в становлении и упрочении норм образцовой литературной речи огромна и речевая культура народа за годы Советской власти сильно возросла, произносительная культура во многих самодеятельных коллективах, в том числе и Перми, еще далека от идеала.

За последние годы значительно возросло число участников художественной самодеятельности, увеличилось количество народных театров, выросла армия педагогов, занимающихся в школе драматическим искусством и искусством художественного слова. В связи с этим со всей серьезностью встал вопрос о повышении культуры речи, о необходимости разработки теории и методики обучения и овладения едиными произносительными нормами.

Разработка методики преподавания единого литературного произношения для жителей Перми и Пермской области, имеющих отношение к драматическому искусству, предполагает предварительное изучение местных говоров методом непосредственного наблюдения, а также ознакомления с работами специалистов-диалектологов. При этом необходимо учитывать, что подход к описанию говоров и его фонетики у них достаточно специфичен. Диалектологические программы не предусматривают детального и предельно точного описания укладки речевого аппарата при произнесении того или иного звука в

² Н. К. Черкасов. Записки советского актера. М., «Искусство», 1953.

³ Г. О. Винокур. Русское сценическое произношение. М., изд. ВТО, 1948.

¹ И. П. Козлянинова. Орфоэпия в театральной школе. М., «Прогресс», 1967.

говоре. Народная речь записывается общепринятой транскрипцией, которая не предназначена для передачи особенностей мелодики и всех оттенков звуков речи. В связи с этим многие положения диалектологов, касающиеся определения особенностей звуковой системы местных говоров, нуждаются в дополнении и уточнении.

В диалектологической литературе часто встречается утверждение о том, что гласные фонемы пермских говоров в положении под ударением между твердыми согласными не отличаются от соответствующих гласных фонем русского литературного языка⁴.

Наши наблюдения показали, что это не совсем так. «По качеству не отличаются» — можно сказать лишь о фонемах *y, u, y*. И вот почему. Как известно, в образовании гласных принимает участие как ротовая, так и глоточный резонаторы. Увеличение и уменьшение ротового резонатора строго координируется с сокращением и расширением глоточной трубки. Известный лингвист Н. И. Жинкин в своей работе «Механизмы речи» пишет, имея в виду образцовое литературное произношение: «При произнесении *a* ротовой резонатор велик... Глоточная трубка сокращается до минимального объема...

При произнесении *o* соотношение объемов обоих резонаторов меняется на одну ступень реципрокно, т. е. в обратном направлении. В то время, как ротовой резонатор уменьшается в объеме путем среднего подъема задней части спинки языка и уменьшения выходного отверстия (лабиализации), глоточная трубка немного расширяется...

При произнесении *э* объемы обоих резонаторов выравниваются. Ротовой резонатор уменьшается еще больше на одну ступень, а глоточный на одну ступень расширяется...

При произнесении *y* процесс продолжается в тех же реципрокных отношениях. Ротовой резонатор сужается еще больше за счет подъема языка и сужения губ в трубку, глоточный же резонатор значительно расширяется...

При произнесении *и* ротовой резонатор уменьшается еще на одну ступень. Передняя часть спинки языка близко подходит к твердому нёбу, образуя узкую щель, губы убираются, как при улыбке, а глоточный резонатор, наоборот, значительно раздается вширь. Объем его максимально увеличивается.

⁴ Ср.: «В говорах в положении под ударением не между мягкими согласными, как и в литературном языке, реализуется пять гласных фонем... По качеству они не отличаются от соответствующих фонем русского литературного языка». А. Н. Борисова. Из наблюдений над гласными львовских говоров Пермской области. «Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания. Труды 4-й зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала», вып. 1. Пермь, 1964, стр. 22.

В этом ряде от *a* до *и* видно постепенное уменьшение объема ротового резонатора и такое же постепенное увеличение объема глоточного резонатора»⁵.

Таким образом, в образовании звуков *y, u, y* участвует больше глоточный резонатор и меньше ротовой, а в образовании звуков *a, o, э* решающую роль играет ротовой резонатор и меньшую — глоточный.

Носители же пермских говоров разговаривают при более или менее сжатых челюстях. Коренные зубы почти сомкнуты, нижняя челюсть мало подвижна. Все это уменьшает ротовой резонатор и дает звукам призвук *y*. Можно сказать: чем больше доля ротового резонатора в образовании гласного звука, тем больший призвук *y* имеет этот гласный в пермской речи. И даже тогда, когда в произношении пермяков почти не ощущаются местные особенности, предупредительные *a, э, o* сохраняют окраску *y*.

В связи с этим одной из первейших задач при обучении пермяков нормам литературного сценического произношения является необходимость научиться и научить — в буквальном смысле — открывать как следует рот при разговоре, добиться в произношении *a, э, o* звучания, о котором можно было бы сказать, что оно по качеству гласных действительно не отличается от соответствующих звуков русского литературного языка. Следовательно, работу над дикцией надо начинать с занятий фонетикой. И занятия эти необходимо строить с учетом всех конкретных особенностей в произношении звуков пермяками. И только после того, как будет получен и закреплен навык правильной артикуляции звука во всех положениях, можно переходить к тренировкам — дикционным упражнениям.

Пока еще наша работа над приближением речи пермяков к единой произносительной системе, господствующей в театре, проходит, я бы сказала, «кустарно». Пермский говор с фонетическим строем, заметно отличающимся от того, который принято считать нормой, очень устойчив. Необходимо кропотливая и тщательная работа в фонетическом кабинете, такая же кропотливая и тщательная, как при изучении иностранного языка. Пояснения, схемы, рисунки необходимы в этой работе, но решающим должно стать слуховое восприятие, так как только ухо учащегося способно контролировать его произношение.

⁵ Н. И. Жинкин. Механизмы речи. М., 1958, стр. 207.

Ф. Л. Скитова, Е. А. Огиенко

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СЛОВАРНЫМ ЗАПАСОМ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

По всеобщему признанию, одной из самых неотложных задач современного языкознания является изучение живого разговорного языка. Лингвистику нашего времени не могут более удовлетворять представления о разговорном языке, полученные преимущественно в результате изучения речи действующих лиц в произведениях художественной литературы. Очень убедительно пишет об этом в статье «Лексические нормы русского языка и разговорная речь» Л. С. Ковтун, продолжая начинания Б. А. Ларина по изучению живого разговорного языка: «...Разговорная речь, преобразованная в художественном тексте и представленная лишь в известных своих элементах, не может служить достаточным и тем более исчерпывающим источником для изучения современного разговорного языка, его диалектного расслоения, процессов сложения образцовой устной речи, различных путей воздействия разговорного языка на изменение лексических норм»¹.

Современное языкознание нуждается в материалах, отражающих подлинную картину повседневной речевой практики человека, общества в целом и разговорного языка во всей его сложности и противоречивости.

Все стороны разговорного языка изучены еще очень мало. Но, пожалуй, меньше всего изучена лексика. Естественно поэтому обращение целого ряда языковедческих коллективов и отдельных исследователей к наблюдениям над словарем живого языка и накоплению материалов, необходимых для постановки и решения назревших проблем.

¹ См. сб. «Современная русская лексикология». М., «Наука», 1966, стр. 11.

Но есть еще такие вопросы, которые пока почти не привлекали внимания исследователей. К ним относится, в частности, и проблема изучения лексического запаса рядового носителя национального языка. Учету подвергалась и подвергается обычно лишь лексика письменного языка мастеров художественного слова. Широко известен Словарь языка Пушкина, изданный Академией наук СССР в 1956—1961 гг. В Ленинградском университете составляются словари нескольких писателей. В Москве — Словарь языка русских советских поэтов, в Шадринске — Словарь языка С. Есенина. Ученые Ленинграда, Саратова и Пскова составляют Словарь произведений А. М. Горького, в Ярославле создается Словарь языка Н. А. Некрасова. В Пермском университете под руководством доцента М. А. Генкель составляются частотные словари романов Д. Н. Мамина-Сибиряка. И в зарубежной лексикографической практике обычны именно словари языка отдельных писателей, выдающихся мастеров слова.

Нам известна только одна попытка учета лексического запаса рядового носителя современного русского языка, предпринятая шадринским лингвистом В. П. Тимофеевым и его ученицей Л. Борисовой, а затем членами социологического кружка под руководством А. Н. Соколовой. В. П. Тимофеев выявил словарный запас Евдокии Михайловны Тимофеевой, 1897 года рождения, жительницы небольшого селения, основываясь на ее живом комментарии к словам в процессе чтения ей Словаря русского языка, составленного С. И. Ожеговым. Аналогичным методом работали Л. Борисова, опросившая молодого специалиста-горняка, и члены социологического кружка, исследовавшие речь представителей различных социальных групп колхозного крестьянства².

Несомненно, для современного языкознания не менее интересен был бы по возможности полный словарь рядового носителя национального языка (в том числе и такой его разновидности, как территориальный диалект), составленный на основе наблюдений над повседневной речью, естественным «говорением» этого лица. Показательно в этом отношении высказывание проф. Т. А. Бертагаева. В статье «Роль социологических факторов в развитии языка» он пишет: «Очень сдержанно мы относимся к проблемам функционирования

² Наши сведения о работе шадринских языковедов почерпнуты из информации в ж. «Русский язык в школе», 1965, № 1, стр. 101; исследования В. П. Тимофеева «Личность и языковая среда», 1967, машинопись, Шадринский филиал Гос. архива Курганской обл., ф. 1030, оп. 1, ед. 121, и тезисов доклада А. Н. Соколовой «Социально-классовая дифференциация словарного состава речи колхозного крестьянства. Опыт конкретно-социологического исследования речи колхозников села Мыльниково Шадринского района». «Материалы VIII зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала». Шадринск, 1968, стр. 8—12.

языка в форме народной речи, диалектов и говоров. Некоторые ученые находят эти проблемы неактуальными... Между тем существование речи — это живая история языка, и недооценка важности этой проблемы отзовется впоследствии весьма отрицательно на нашей науке»³. На необходимость изучения диалектной речи, поскольку без этого не может быть верного представления о функционировании современного языка, указывал и Н. М. Конрад в статье «О языковом существовании»⁴.

Такой словарь мог бы дать в руки лексикологов новые, документально засвидетельствованные данные о жизни и соотношении слов в языке и речевой практике. Он был бы интересен для лексикографов, приступающих к работе над подготовкой словаря подлинно современного литературного языка и словаря современной повседневной разговорной речи. Он помог бы выявлению лексики, общей для всех разновидностей национального языка, и очерчиванию так называемого лексического ядра национального языка. Он представлял бы, очевидно, определенный интерес и для ученых, работающих над вопросами культуры речи и методики преподавания русского языка.

Полный словарь представителя современного крестьянства будет отражать успехи социалистического строя, изменение жизни русской деревни за годы Советской власти и поэтому сможет быть полезным для историков, этнографов, краеведов и самого широкого круга читателей. Поскольку изменения во всех сторонах крестьянской жизни будут преломляться в этом словаре через индивидуальное восприятие и отражение мира, словарь может заинтересовать и писателей.

Учитывая все это, диалектологи Пермского университета в 1963 году начали специальное изучение словарного запаса носителя народного говора — Горшковой Анны Герасимовны, жительницы деревни Акчим Красновишерского района Пермской области — и начали сбор материалов для полного словаря ее языка.

Наша статья отражает некоторые результаты работы по изучению лексики Анны Герасимовны Горшковой.

Картотека словаря составлена на основании магнитофонных и блокнотных записей речи Анны Герасимовны в процессе общения ее с членами своей семьи, родственниками, односельчанами и участниками экспедиций. Некоторые диалектологи жили у Анны Герасимовны и записывали ее речь по несколько месяцев подряд. Часть блокнотных записей сде-

³ См. «Язык и общество». М., «Наука», 1968, стр. 145.

⁴ См. «Японский лингвистический сборник». М., «Восточная литература», 1959, стр. 5, 13, 14 и др.

лана в процессе собеседования с Анной Герасимовной по самым различным темам (домашний быт, посуда, стирка белья; кушанья и способы их приготовления; огородничество, полеводство, животноводство, прядение и ткачество, рыболовство, охота; ландшафт, травы и растения; средства передвижения; слуховые, вкусовые, зрительные, осязательные ощущения; характеристика человека по внешним данным и внутренним качествам; рождение и смерть человека; любовь, дружба, товарищество; свадебный обряд; отдых молодежи, игры; праздники, поверья и обычаи; народная медицина; жизнь в деревне до революции и в советский период и др.). Значительная часть записей представляет собой попытку учета всего сказанного за день, неделю и более.

Параллельно с обработкой собранного материала велось и его научное осмысление. Участниками студенческого семинара (руководитель — доцент Ф. Л. Скитова, один из постоянных участников — Е. Огиенко), исполнителями курсовых и дипломных работ, членами диалектологического кружка проведен ряд исследований по лексике Анны Герасимовны, в том числе по глаголам, существительным, прилагательным, наречиям, частицам, предлогам, вводным элементам, по стилистическим функциям прилагательных-определений, по фразеологии, лексической сочетаемости отдельных слов и другим темам.

Несколько слов о А. Г. Горшковой.

Анна Герасимовна Горшкова родилась в 1891 году в небогатой семье. Рано лишилась матери и начала помогать отцу, занимавшемуся, как и большинство акчимских мужчин, не только хлебопашеством, но и рыболовством, охотой и лесосплавом. В 12 лет девочке пришлось оставить школу, в которую она ходила менее трех лет, и пойти в няньки. Восемнадцати лет она вышла замуж за своего односельчанина Ивана Сергеевича Горшкова по сватовству его родителей, ценивших в Анне Герасимовне чрезвычайно работающего и смышленного человека. Анна Герасимовна и Иван Сергеевич одни из первых в Акчипе вступили в колхоз. Она была рядовой колхозницей, он несколько лет подряд избирался председателем колхоза. Сейчас оба они на пенсии, живут вместе с младшим сыном, который работает шофером в леспромхозе (жена его — учитель начальной школы), и занимаются домашним хозяйством и воспитанием внуков.

Анна Герасимовна доброжелательна в отношениях с людьми, но сдержанна, а порой и сурова. В меру словоохотлива. В суждениях самостоятельна и решительна. В разговоре никогда не поддается под стиль речи собеседника. Она является типичным носителем разговорно-диалектного языка и акчимского говора, в частности. По образности и

выразительности ее речь не является чем-то уникальным. Анна Герасимовна не принадлежит к числу сказочников, песенниц или людей с особым поэтически-образным складом речи.

* * *

Языковедов, да и не только их, уже давно интересует вопрос о том, каким количеством слов пользуется человек в своей повседневной речевой практике.

Данные по этому вопросу весьма противоречивы. Так, известный немецкий языковед Яков Гримм в 1851 году писал: «Огромное большинство удовлетворяется примерно только половиной или еще меньшей частью всего запаса слов»⁵. По мнению другого немецкого ученого, Макса Мюллера, этот запас значительно меньше. В «Лекциях по науке о языке» (СПб., 1865, стр. 202—203) он писал, что узнал от «достоверного авторитета, деревенского священника, что некоторые работники в его приходе имеют не более 300 слов в своем словаре». В книге А. Ф. Чемберлена «Дитя. Очерки по эволюции человека» (Московское книгоиздательство, 1911) приводятся многочисленные противоречивые суждения о количественном объеме индивидуального словаря, в том числе и многократно повторявшееся потом в различных источниках суждение американского лингвиста Г. П. Марша, утверждавшего, что «немногие писатели или ораторы употребляют 10 000 слов; обыкновенный интеллигентный человек не выходит за пределы 3000 или 4000».

Не менее пестрые данные приводятся относительно активного словарного запаса русских людей. Так, И. Я. Блинов в учебном пособии «Выразительное чтение и культура устной речи» (Учпедгиз, М., 1946, стр. 8) пишет, что «Интеллигент нашего времени, по подсчетам специалистов, пользуется словарем примерно в 1500 слов». В брошюре же проф. А. И. Ефимова «О культуре речи агитатора и пропагандиста» (М., «Московский рабочий», 1948, стр. 25) цифрой от 1 до 2 тысяч слов исчисляется словарный запас не интеллигента, а элементарно грамотного человека. Словарный же запас всесторонне развитых людей достигает, по мнению А. И. Ефимова, 6 и более тысяч. Аналогичные цифры проф. Ефимов привел и в работе «О культуре речи» (М., «Знание», 1956, стр. 12). Эти данные затем повторялись многими авторами работ по культуре речи⁶, иногда с особым подчеркиванием ограничен-

⁵ См.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. I. М., «Просвещение», 1964, стр. 68.

⁶ См., например: И. Н. Церковницкий. О культуре письменной и устной речи. Архангельск, 1958, стр. 55; М. М. Михайлов. О языке публичных выступлений. Чебоксары, 1961, стр. 16; О. П. Беляева. О культуре устной речи. Пермь, 1963, стр. 8.

ности словаря «малообразованного человека». С. К. Евграфов, например, пишет об этом в брошюре «О культуре речи», вышедшей из печати в 1958 г. в Пензе: «Подсчитано, что словарный запас взрослого, но малообразованного человека исчисляется всего одной-двумя тысячами слов, то есть почти не отличается от запаса слов пятилетнего ребенка. Словарный же запас развитого, образованного и культурного человека исчисляется уже шестью-семью тысячами слов» (стр. 26). Такие цифры приводятся в книге В. Н. Перетрухина «Беседы о языке и культуре речи» (Тюмень, 1962). Он пишет: «У нерасширенных, малограмотных людей в активном запасе имеется от 2 до 3—4 тысяч слов; образованные, начитанные и много читающие люди владеют 8—12 тысячами слов» (стр. 40).

Суждения ученых сходятся только в определении словарного запаса ребенка. По подсчетам К. Чуковского (см. книгу «От двух до пяти»), словарный запас человека к концу первого года жизни включает несколько слов, к концу второго — 250—300, третьего — тысячу. Затем пополнение идет медленно. Р. Левина в статье «Формирование речи детей», помещенной в журнале «Семья и школа» (№ 12, 1957, стр. 13), приводит аналогичные цифры: «К году у ребенка словарный запас состоит из 6—7 слов, к двум годам число слов достигает 400, а к трем — 1000, к четырем — 1600, к пяти — 2100 слов». Близки к приведенным данные, полученные иркутским лингвистом Э. И. Слабковской. Проанализировав около 1700 сочинений и изложений учеников 1 и 2 классов г. Иркутска и Иркутской области, она обнаружила, что словарь письменной речи школьника начальных классов насчитывает приблизительно 2 тысячи слов⁷.

Противоречивость данных о словарном запасе взрослого человека может быть связана с рядом обстоятельств, в том числе имеет значение несоответствие методики подсчета, расхождение в понимании слова как особой единицы и т. п. Но основная причина, по всей вероятности, — неизученность данного вопроса. Видимо, не случайно ни в одной из названных работ нет ссылок на конкретные научные источники, из которых почерпнуты приводимые данные.

Нам представляется, что наиболее неточны цифры, которыми обычно определяется словарный запас малограмотных людей. Трудно поверить, что словарный запас элементарно грамотного человека составляет всего лишь около 2 тысяч слов. Не может человек, живущий и работающий в коллективе (даже если он по тем или иным причинам не получил достаточно высокого образования), обходиться словарем того же объема, что и ребенок пяти лет. Весьма показательны в

⁷ См. «Труды Иркутского гос. ун-та», т. XXXVI, вып. 2, 1965, стр. 42.

этом отношении данные, полученные шадринскими лингвистами. Е. М. Тимофеевой, не учившейся в школе, известно 27 337 слов из 52 875, приведенных в словаре русского языка, составленном С. И. Ожеговым. Совершенно очевидно, что значительную часть этой лексики составляет пассивный словарный запас. Но и на долю активного словарного запаса, надо полагать, приходится не одна-две тысячи, а значительно больше слов.

Активный словарный запас⁸ Анны Герасимовны Горшковой, подсчитанный по состоянию картотеки на начало 1969 года, превышает 8 тысяч слов⁹ (в это число не включены числительные, имена собственные и географические названия, поскольку они не включены пока в картотеку словаря).

Наблюдения над соотношением в речи Анны Герасимовны слов старых, известных ей с детства, и относительно новых показали, что за годы Советской власти словарный запас Анны Герасимовны, как и всякого человека колхозной деревни, пополнился значительным числом слов (конечно, в эти годы шел и процесс забвения старых слов, но обогащение заметно превышало число уходящих слов). Однако в целом такой обширный активный словарный запас Анны Герасимовны свидетельствует не только о значительном возрастании культурного уровня народа за годы Советской власти, но и вообще о богатстве словаря человека из народа.

* * *

Речь Анны Герасимовны, как и других акчимцев, по-народному ярка и выразительна, энергична. Последнее качество создается, наряду с другими факторами, соотношением частей речи в ее лексическом запасе.

Первое место в словаре Горшковой принадлежит глаголам. Заметно меньше существительных. На третьем месте — прилагательные, затем — наречия, частицы, местоимения, предлоги и междометия. Попутно заметим, что в речи Анны Герасимовны пока не встретилось ни одного деепричастия и редко (как и в речи других акчимцев) отмечаются причастия. В абсолютных цифрах соотношение частей речи в лексике А. Г. Горшковой выглядит следующим образом:

⁸ К активному словарному запасу А. Г. Горшковой мы относим те слова, которые она употребляет свободно, легко находя при первой же необходимости естественного непринужденного общения в своей памяти, достаточно отчетливо осознавая их значение и связи с другими словами.

⁹ При определении принципов составления словаря А. Г. Горшковой мы придерживались того же понимания слова как лексической единицы, что и при определении принципов составления словаря акчимского говора в целом. См. об этом вводные замечания к пробным словарным статьям Акчимского словаря в сборнике «Живое слово в русской речи Прикамья», вып. 1. Пермь, 1969.

глаголов	— 3650
существительных	— 2820
прилагательных	— 906
наречий	— 535
частиц	— 71
местоимений	— 47
предлогов	— 34
междометий	— 21 ¹⁰ .

Преобладание глаголов над другими частями речи, в том числе и существительными, по всей вероятности, является отличительной особенностью словаря диалектной речи и народного разговорного языка в целом. Показательно, например, что и в лексиконе Е. М. Тимофеевой ведущее место принадлежит глаголам. Они составляют 41,9% всех диалектных слов¹¹. В словаре письменной речи обычно преобладают существительные. Так, в словаре языка Пушкина отрезок слов на А — И включает 2020 существительных и только 1250 глаголов. В аналогичном отрезке словаря Анны Герасимовны существительных 88, а глаголов — 1102¹².

Наблюдения над словарем Горшковой подтверждают обоснованность предположения В. И. Панова о неточности показаний целого ряда ранее составленных и составляющихся в наше время областных словарей. Во многих словарях и сборниках областной лексики, как отмечает В. И. Панов, обращает на себя внимание количественное господство существительных. Среди всех слов на букву Л, помещенных в «Опыте областного великорусского словаря» 1852 года, и на букву М — в словаре архангельских говоров А. Подвысоцкого, имен существительных оказывается около 70%, а глаголов — в «Опыте» всего 12%, в словаре архангельских говоров около 10%. Наречий в обоих словарях около 4%. Во многих областных словарях и сборниках при подавляющем господстве существительных очень мало приводятся имен прилагательных. Например, в словаре В. С. Арефьева по Енисейскому уезду Енисейской губернии из 363 слов — имен прилагательных всего 19, т. е. лишь 5,2%¹³.

¹⁰ Подсчеты произведены В. Крюковой, О. Махиней, Л. Конищевой, Л. Софрошкиной-Поповой, А. Ширяевой и С. Власовой в процессе работы над дипломными исследованиями, посвященными изучению в словаре А. Г. Горшковой соответственно глаголов, существительных, прилагательных, наречий, частиц и предлогов, а затем дополнены и уточнены Е. Огишюк.

¹¹ Процент приведен в названной выше работе В. П. Тимофеева, стр. 179.

¹² Подсчеты сделаны В. Крюковой и приведены в ее дипломной работе.

¹³ См.: В. И. Панов. Некоторые вопросы областной русской лексикографии. «Лексикографический сборник», вып. III. М., 1958, стр. 45.

В процентах соотношение частей речи в словаре Анны Герасимовны выражается следующим образом:

глаголов	45,0%
существительных	36,2%
прилагательных	11,3%
наречий	0,0%
местоимений	0,0%
частиц	0,0%
предлогов	0,4%
междометий	0,2%

В целом трудно не согласиться с выводами В. П. Панова относительно причин, обусловивших повышенную долю имен существительных и сниженную долю глаголов, прилагательных, наречий, характерную для многих словарей областной лексики. Он объясняет это «однозначностью внимания у собирателей лексики к названиям предметов, а в большей части случаев применением такого способа собирания лексики, при котором слова с конкретным значением выясняются легче и быстрее, а слова с отвлечённым значением — труднее и медленнее»¹⁴.

Отказ от сбора материала методом прямых вопросов и стремление приблизиться к фиксации истоков говоримого информантами, несомненно, обеспечат более объективные показатели соотношения частей речи в разговорном языке. Однако думается, что показания относительно наречий вряд ли существенно изменятся. Выявлению и изучению наречий акчимского говора посвящена диссертация А. П. Шварц¹⁵, сбору и рассмотрению наречий в языке А. П. Горшковой дипломная работа Л. Софрошкиной — и тем не менее доля наречий в картотеке словаря Горшковой составляет лишь 6,8%. Частотность же наречий в текстах, фиксирующих акчимскую речь и речь Горшковой, может быть и выше.

* * *

О богатстве словаря, как известно, свидетельствует не только количество слов, но и степень их многозначности, разветвленная система значений отдельного слова. Наблюдения над словарем Анны Герасимовны показывают, что широко распространенное представление, будто словарный запас носителей диалекта состоит преимущественно из слов однозначных, не является точным. В активном словарном запасе Анны Герасимовны значительная часть слов имеет не одно, а

¹⁴ Там же, стр. 55.

¹⁵ А. П. Шварц. Системный лексико-семантический анализ наречий (на материале говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области). Пермь, 1967, машинопись.

два, три, четыре и более значений. Особенно высокий процент многозначных слов отмечается в глаголах. Глагол *встать* (*фстать, стать*), например, реализуется в речи Анны Герасимовны в 7 значениях и оттенках значений.

1. Подняться на ноги, принять вертикальное положение, перенеся упор тела на какую-либо его часть. *Кисляк! На ноги не мógёт встать; наклонись! Встань на коленышки, всё кругом вымети. Где-ко завáлимся оба и не встанем.*

2. Проснувшись, подняться с постели. *А, лентяйка! Сейчас тóко встала; Всё тóко агитировала, а сама не встанет так рано.*

3. Принять вертикальное положение, выпрямиться. *Хоть как траву выкатай — она ишо встанёт.*

4. Шагнув, попасть ногой (ногами) на что-либо, занять место. *Не встань на котёнка. Черныга други года — встать негде!; На завалину-то встань.*

5. Перестать двигаться, действовать. *Идёт, встанет, поглядит, снова идёт.*

6. Покрыться льдом (о реке). *Река ешё не стала, рано. И среди других частей речи отмечается немало многозначных слов. Прилагательное *беспутый*, например, имеет 4 значения.*

1. Не вполне здоровый психически. *Девка кака-то тоже беспута: не говорит ничё, не понимает.*

2. Обычно в роли сказуемого. Медленно и плохо соображающий в силу ограниченных умственных способностей, преклонного возраста, плохой памяти, неграмотности и т. д. *Я уж неучёная, неграмотная, беспутая, а ткать-то ткала; Здесь штáнички, то-ли в том яшишычке? Чё-ко де-ко полóжу, не помню. Кака беспутая.*

3. Имеющий мало смысла (о какой-либо деятельности). *Ой, наскажу я вам всякую несметúру. Это просто такое слово: неразбериха всякая. Ни в какую сторону не принадлежит. Беспутое.*

4. Заброшенный, не используемый никем. *Беспутый дом стал, раз уехали все.*

Наречие *вперёд* выступает в 4 значениях.

1. В направлении поступательного движения. *А иди вперёд! Чё у порога?!*

2. По направлению к месту, из которого предполагается возвращение, путь назад. *Пять дён до порогу (на реке) идёш, вот беда. А порог такой крутúшой! Вперёд-ту едеш, малó-мали толкáшша, а вниз — страшно!*

3. Прежде кого-либо, чего-либо другого. *Вперёд меня захоронил бы, тожнё уж сам помирал бы.*

4. На последующее время, на будущее. *В лесах куниц добывали. Свёкор одну осень двенацеть куниц дóбыл. Верх по*

реке уежжали, там добывали. Вперед не сверести. Был бы тебе подарок.

* * *

Точность и выразительность речи А. Г. Горшковой обеспечиваются, в частности, экономным и рациональным использованием прилагательных.

Среди прилагательных словаря Анны Герасимовны явно преобладают качественные. Они составляют около 60% всего запаса. Относительных прилагательных — около 35%, притяжательных — около 5%.

Показательно, что значительно больше половины прилагательных используется в речи Анны Герасимовны для характеристики человека и живых существ, значительно меньшая часть — для характеристики неодушевленных предметов. Среди прилагательных, сочетающихся с существительными, обозначающими человека, больше прилагательных, характеризующих его внутренние качества, а не внешние признаки. В процентном выражении первая — 60%, вторая — 40%.

Абсолютное большинство прилагательных, если можно так выразиться, уникально в своем употреблении. Только два прилагательных из словаря Горшковой имеют большую частотность¹⁶. В картотеке зафиксировано 182 случая употребления прилагательного *хороший* и 136 случаев употребления прилагательного *большой*.

Более 50 раз отмечено использование только двух прилагательных — *маленький* (84) и *худой* (75). Около 50 раз зафиксированы прилагательные *бедный* (48) и *старый* (46). Около 30 раз отмечено всего 12 прилагательных (*белый, горячий, тёплый, нехороший, плохой, холодный, сухой, пьяный, толстый, красный, сырой, вредный*).

Около 20 раз — 9 прилагательных (*добрый, молодой, кислый, чёрный, чистый, чужой, полный, деревянный, новый*).

Немногим более 10 раз — 14 прилагательных (*проклятый, баской, голодный, грязный, небольшой, поперёчный* «упрямый», «несговорчивый», *тонкий, маломальский, хрупкой* — «крупный», *настырный, солёный, паршивый, тяжёлый, настоящий*).

От 5 до 10 раз — 15 прилагательных (*специальный, последний, здешний, холщовый, пакостный, мясной, малиновый, ржаной, резиновый, солодёлый, железный, алюминиевый, капустный, сырный*).

Все остальные прилагательные (850 из 906) имеют частотность ниже 5.

¹⁶ В данном случае имеется в виду соотношение слов по абсолютному числу случаев фиксации картотекой словаря.

В заключение остановимся ещё на одной особенности словарного запаса А. Г. Горшковой. Она проявилась в процессе выделения в словаре Анны Герасимовны наиболее употребительных слов. Оказалось, что при всём своеобразии списка наиболее частотных слов в её речи он в значительной части совпадает с составом наиболее частотных слов русской разговорной речи и русской речи в целом. В наибольшей степени это сходство проявляется в наречиях, меньше — в глаголах, прилагательных и особенно в существительных.

12 из первых 30 наиболее высокочастотных наречий являются общими для словаря А. Г. Горшковой, «Частотного словаря современного русского литературного языка», составленного Э. Штейнфельдт¹⁷, и Списка 2380 наиболее употребительных слов русской разговорной речи, составленного коллективом исследователей кафедры русского языка Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы¹⁸. Это следующие наречия:

<i>надо</i>	1	8	13	<i>там</i>	10	10	3
<i>здесь</i>	4	7	20	<i>хорошо</i>	12	12	8
<i>тут</i>	5	17	19	<i>потом</i>	13	11	7
<i>теперь</i>	6	9	22	<i>сейчас</i>	14	5	6
<i>так</i>	7	1	2	<i>где</i>	27	6	30
<i>сегодня</i>	10	19	27	<i>тогда</i>	29	18	16

Цифры первой колонки указывают порядковый номер наречия в частотном списке наречий словаря Анны Герасимовны, цифры второй колонки — аналогичные данные по словарю Штейнфельдт, третьей — по Списку 2380 наиболее употребительных слов русской разговорной речи.

Список наиболее частотных глаголов в словаре Анны Герасимовны открывается, как и в словаре Штейнфельдт, в Списке наиболее употребительных слов русской разговорной речи, в словарях языка Пушкина, Есенина, романа Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы»¹⁹, глаголом *быть*. Из

¹⁷ Э. Штейнфельдт. Частотный словарь современного русского литературного языка. Справочник для преподавателей русского языка. М., «Прогресс», 1965. В дальнейшем сокращенно — словарь Штейнфельдт.

¹⁸ «2380 наиболее употребительных слов русской разговорной речи». М., 1968.

¹⁹ Данные о частотности слов в словаре языка Пушкина почерпнуты из работы Р. М. Фрумкиной «Статистические методы изучения лексики». М., «Наука», 1964; в словаре языка Есенина — из статьи Н. А. Болифатьевой, А. В. Колмогорцевой, Л. П. Прокопьевой, В. П. Тимофеева, А. Т. Тимофеевой «Некоторые частотные показатели словарного состава поэтических и прозаических текстов С. Есенина». В сб. «Материалы VIII зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала». Шадринск, 1968, стр. 148—153; в словаре Мамина-Сибиряка —

первых тридцати глаголов в словаре Анны Герасимовны 9 оказываются в первых тридцати глаголах словаря Штейнфельдт и Списка наиболее употребительных слов русской разговорной речи: *быть, говорить, делать, знать, работать, хотеть, пойти, сказать, видеть*.

В списке первых тридцати наиболее высокочастотных прилагательных словаря Анны Герасимовны, словаря Штейнфельдт и Списка наиболее употребительных слов разговорной речи совпадает 6 прилагательных:

<i>хороший</i>	1	5	1	<i>красный</i>	14	17	19
<i>большой</i>	2	1	3	<i>молодой</i>	20	4	13
<i>старый</i>	6	6	7	<i>новый</i>	28	2	4

Список наиболее частотных существительных речи Анны Герасимовны своеобразен и сравнительно с данными словаря Штейнфельдт, и сравнительно с данными Списка наиболее употребительных слов разговорной речи. Среди существительных, отмеченных в речи Анны Герасимовны, первые 50 располагаются по убывающей частотности следующим образом:

<i>корова</i>	<i>река</i>	<i>штаны</i>
<i>старик</i>	<i>травы</i>	<i>ботинки</i>
<i>вода</i>	<i>машина</i>	<i>дедушка</i>
<i>хлеб</i>	<i>лодка</i>	<i>мясо</i>
<i>ребята</i>	<i>свинья</i>	<i>бабушка</i>
<i>молоко</i>	<i>сепаратор</i>	<i>женщина</i>
<i>мужик</i>	<i>время</i>	<i>лето</i>
<i>ребенок</i>	<i>место</i>	<i>сын</i>
<i>нога</i>	<i>жар</i>	<i>овца</i>
<i>лягуша</i>	<i>год</i>	<i>молочко</i>
<i>труженик</i>	<i>жара</i>	<i>гора</i>
<i>баба</i>	<i>мама</i>	<i>творог</i>
<i>лес</i>	<i>отец</i>	<i>человек</i>
<i>ягоды, ягода</i>	<i>сметана</i>	<i>брат</i>
<i>матерь</i>	<i>огород</i>	<i>больница</i>
<i>сено</i>	<i>старуха</i>	<i>тетя</i>
<i>баня</i>	<i>суп</i>	

При всем своеобразии этого списка, 7 слов из него находим среди 50 наиболее частотных существительных словаря Штейнфельдт и Списка наиболее употребительных слов разговорной речи. Это такие слова:

из работы М. А. Генкель «Частотный словарь романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» (опыт лингвистического исследования статистической структуры текста)». Пермь, 1965, машинопись.

<i>ребята</i>	5	19	26	<i>место</i>	25	23	10
<i>машина</i>	19	27	38	<i>год</i>	27	3	4
<i>время</i>	24	8	1	<i>мама</i>	29	44	11
				<i>человек</i>	47	9	6

Наибольшее число совпадений в пределах наречий, а наименьшее — в пределах существительных связано, по-видимому, с различием в семантике этих частей речи. Наречия, в силу большей отвлеченности их значения, нередко одинаково пригодны в самых различных контекстах. Между тем значительная часть существительных обладает относительно конкретным значением и потому в большей степени связана с особенностями среды, условий, в которых осуществляется языковое общение.

Н. П. Попова, Ф. А. Горякина

ПОСТРОЕНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (по материалам говоров северной части Пермской области)

По цели высказывания разграничиваются предложения утвердительные (Отец пришел), отрицательные (Отец не пришел), вопросительные (Отец пришел?). Различаются ли эти предложения по своему построению? Или предложения отрицательные и вопросительные повторяют строение утвердительных?

Относительно отрицательных предложений существует мнение, что в основном они повторяют структуру утвердительных. Так, академик А. А. Шахматов признает как особый тип среди отрицательных лишь безличные (Не было домов). Об остальных он пишет: «В русском языке отрицательный оборот, можно сказать, совпал вообще с утвердительным»¹. Вслед за А. А. Шахматовым Академическая грамматика выделяет в особую группу только безличные отрицательные предложения².

Однако отрицательные суждения передаются не только безличными предложениями, существуют и другие способы их выражения. Тонкий исследователь грамматики и стилистики русского языка профессор А. М. Пешковский, подробно анализируя отрицательные предложения, делит их на общеотрицательные (отрицание стоит перед сказуемым) и частноотрицательные (отрицание находится перед любым другим членом предложения)³.

¹ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М.—Л., Учпедгиз, 1941, стр. 482.

² «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2. М., изд. АН СССР, 1954, стр. 40.

³ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1960, стр. 190.

Профессор Московского университета Е. М. Галкина-Федорук несколько уточнила классификацию А. М. Пешковского, выделив «вопросительно-отрицательные» и «побудительно-отрицательные» предложения⁴.

Много интересного об оттенках, создаваемых в предложениях отрицанием *не*, говорил в своей статье один из составителей Словаря русского языка, издававшегося II Отделением АН СССР, В. И. Чернышев⁵.

Специально отрицательным предложениям посвящена статья А. А. Сухаревой «К вопросу об отрицательных предложениях», напечатанная в Ученых записках Ташкентского пединститута⁶.

Однако особенности построения отрицательных предложений все еще остаются не до конца раскрытыми (в большей степени это замечание относится к предложениям разговорной речи). Поэтому лингвисты постоянно возвращаются к исследованию этого типа предложений. Так, в докладе чешского языковеда Е. Кржижковой, сделанном в апреле 1967 г. на советско-чешском симпозиуме по теории грамматики, приводятся интересные данные об условиях «поведения» глаголов совершенного и несовершенного вида при образовании отрицательных предложений русского языка в сравнении с чешским. По ее наблюдениям, в образовании отрицательных предложений участвуют преимущественно глаголы несовершенного вида, лишь в особых случаях — совершенного⁷.

Во всех названных работах материалом исследования был язык художественной литературы; однако особенности отрицательных предложений в разговорной речи не могли совсем не учитываться такими великолепными знатоками русского языка, какими были А. А. Шахматов, В. И. Чернышев, А. М. Пешковский.

Отрицательные предложения на материале разговорной диалектной речи рассматриваются в монографии профессора А. Б. Шапиро «Очерки по синтаксису русских народных говоров»⁸. Но здесь они не были предметом специального рассмотрения, и поэтому анализировались не все типы отрицательных предложений, не все их особенности были отмечены.

⁴ «Современный русский язык. Синтаксис». Изд. МГУ, 1957, стр. 104 и далее.

⁵ В. И. Чернышев. Отрицание *не* в русском языке. Приложение к первому выпуску VIII т. Словаря русского языка, изд. II отд. АН СССР. Л., 1927.

⁶ Указ. соч., вып. 12, ч. 2, 1958.

⁷ Е. Кржижкова. Заметки о месте негации в языковой структуре. В сб. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействия». М., «Наука», 1969, стр. 189—193.

⁸ А. Б. Шапиро. Указ. соч., М., изд. АН СССР, 1953.

Авторы данной статьи задались целью выявить типы отрицательных предложений, проанализировать их построение в разговорной, диалектной, речи. Были просмотрены записи говором северной части (преимущественно Красновишерского района) Пермской области, типично северновеликорусских⁹.

Авторы статьи придерживаются того мнения, что поскольку существует особый тип предложений — отрицательные предложения, противопоставленные утвердительным, постольку должны быть и особые языковые средства выражения отрицательного высказывания.

Собранный и проанализированный нами материал позволяет выделить в северных пермских говорах следующие типы отрицательных предложений, в большей или меньшей мере отличающиеся от утвердительных.

1. Предложения с глаголами бытия.

Наиболее своеобразны по построению в сравнении с утвердительными отрицательные предложения со сказуемыми, выраженными глаголом бытия. В них глагол, переосмысляясь, употребляется безлично, зависимое от него слово становится дополнением, то есть подл. + сказ. → дополн. + сказ. Например:

*Ножик у сохи был — Ножика у сохи не было;
Моторы тогда были — Моторов не было.*

Такие отрицательные безличные предложения в анализируемом говоре обычны. Однако рядом с ними встречаются иногда личные отрицательные предложения с глаголами бытия, отличающиеся от утвердительных лишь постановкой отрицания *не* перед глаголом:

*Видно почта не будет;
Всю войну не был дома мужик-от.*

Последние предложения редки. Личные и безличные отрицательные предложения в говоре соотносятся как 1 : 15.

Этот факт заслуживает особого внимания, поскольку в литературе есть высказывания о нехарактерности для северных говоров отрицательных безличных конструкций. Так, профессор А. Б. Шапиро писал: «В северновеликорусских говорах при отрицательных сказуемых, обозначающих существование, наличие, почти не встречается безличных оборотов...»¹⁰. Более обширный материал позволил авторам академической «Русской диалектологии» говорить об этом несколько иначе: «Во

⁹ См., например: Ф. Л. Скитова. Верхневишерские говоры Пермской области на современном этапе развития. Автореферат канд. диссерт. Л., 1961.

¹⁰ А. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 197.

многих говорах северного наречия распространены двусоставные предложения с именами в роли подлежащего и сказуемыми — формами глаголов *быть*, *бывать* с частицей *не*, ср.: «У нас не бывали кролики»... В других говорах и литературном языке этим предложениям соответствуют безличные предложения...»¹¹.

В наших материалах отрицательные безличные предложения в качестве сказуемого имеют всегда однократный глагол *быть*. Лишь в одном случае отмечен многократный глагол *бывать*: *Сёдне у меня в роту и крошійки не бывало*. Надо сказать, что и в личных отрицательных предложениях многократный глагол *бывать* встречается редко; отмечено лишь несколько случаев.

*В Вишере тридцать годов не бывала;
Я там не бывал в Берёзовке.*

Предложения с глаголами *бывать* и *быть* соотносятся как 1 : 10¹². Многократный глагол *бывать*, употребленный с отрицанием *не*, выражает экспрессивное отрицание какого-либо события, действия в прошлом. Ср.:

*Долго дома не был мужик-от;
Всю войну не бывал дома мужик.*

Таким образом, в наших говорах отрицательные предложения с глаголом *быть* могут быть безличными и личными; в последнем случае они отличаются от утвердительных лишь наличием отрицания *не* перед сказуемым.

2. Предложения со словом *нет*.

Отрицательные предложения, в состав которых входит слово *нет*, могут иметь различное построение и употребление.

Прежде всего, *нет* может выступать в отрицательных предложениях, противопоставленных по смыслу утвердительным. В этом случае слово *нет* является главным членом предложения, управляет родительным падежом существительного:

*Ей неколды́ отдыха нет;
Травы-те нету тутюка;
Дожджов нет.*

В единичных случаях могут встретиться личные предложения с *нет*: *Нет у мя утюг; нет огурцы*¹³. В других говорах север-

¹¹ «Русская диалектология». М., «Наука», 1965, стр. 195.

¹² Ср. утверждение А. Б. Шапиро о том, что в северных говорах «широко распространено употребление в отрицательных предложениях многократного глагола-сказуемого». Все предложения А. Б. Шапиро с глаголом *бывать*. (Указ. соч., стр. 196).

¹³ Более подробно о таких предложениях, их распространении в пределах Пермской области и происхождении см. в настоящем сборнике, в статье А. А. Грузберга «Конструкции типа *нет вода* в говорах Пермской области».

ного наречия этот тип двусоставного отрицательного предложения с *нет* является преобладающим¹⁴.

Нет может выступать как самостоятельное слово-предложение. Обычно оно употребляется в диалоге, после вопросительного предложения:

- *Вы в боуа верите?*
- *Нет. Не боуамазы мы.*

В этих случаях *нет* усиливает отрицание, выраженное в предложении, следующем за ним. Близко к этому значение слова-предложения, которое отрицает смысл предыдущего:

- *Девоцька неспокойная была?*
- *Нет, она спокойная была. Галка вот плакала.*

Слово-предложение *нет* может выполнять роль своеобразного утверждения, подтверждающего мысль, высказанную в «отрицательном вопросе»:

- *Овец не держите?*
- *Нет, не дёржим;*
- *На лошадях не катаются?*
- *Нет, не катаются.*

Все функции слова *нет*, засвидетельствованные в анализируемом говоре (за исключением редких случаев роли сказуемого в двусоставном личном предложении), не расходятся с теми, которые отмечаются в литературном языке¹⁵.

3. Отрицательные предложения с переходными глаголами. Особенностью большинства таких предложений в наших говорах является постановка прямого дополнения чаще не в форме родительного падежа, а в форме винительного:

- Всё капитал-от не хватат;*
- Байку-то чё-ко не возят;*
- Не поймал птичку.*

Дополнение в форме родительного падежа встречается редко (в 7,5% всех предложений с переходными глаголами), оно зафиксировано (наряду с формой винительного падежа) в следующих случаях:

1) при отрицании отвлеченного понятия:

- Слова «тугозвон» я не слыхала;*
- Нынче все не признают боуа.*

Однако и в этих случаях форма винительного падежа фиксируется чаще. Ср. примеры:

Скверные слова не любила;
Раньше культуру не прививали;
Я не видела свою молодость;

2) в предложениях с существительными во множественном числе, если форма винительного падежа омонимична форме род. п. единств. числа:

У нас папа один спит, подушек не хватат всем,
а папе мы оставлям;
Молодежь уехали в Курган и газет не получам.

В приведенных примерах вин. мн. *подушки, газеты* совпал бы с род. единств. *подушки, газеты*. Если же двузначности не создаётся или она ликвидируется каким-либо путем, то дополнение отмечается в форме винительного падежа множественного числа:

Травы я не рвала никакие;
Эти ругачки чтоб я не слыхала!

В приведенных предложениях появлению двузначности препятствует определение при существительном в форме вин. п. Употребление в большинстве случаев формы не родительного, а винительного падежа при глаголах с отрицанием есть проявление особенности, свойственной, как известно, разговорной речи вообще¹⁶. Для литературной речи правилом здесь остается употребление форм родительного падежа¹⁷.

Следует заметить, что почти во всех предложениях прямое дополнение в форме винительного падежа занимает препозитивное положение:

Дёк она и тряпочку нигде не оторвала;
Корову ишо не поила;
Какой только лихорад не придумают!
В глине капюшон не марай!

В приведенных примерах прямое дополнение (вин. п.) имеет и абстрактное значение, и значение конкретного предмета, одушевленного объекта, объекта-лица.

4. Предложения с двойным отрицанием.

Такие предложения весьма распространены в говоре. В них, кроме отрицания *не*, при глаголе-сказуемом в качестве подлежащего или второстепенных членов выступают отрицательные местоимения, наречия, которые по своей семантике

¹⁴ Ср. «Русская диалектология», стр. 195.
¹⁵ См., например, статью на слово *нет* в «Словаре современного русского литературного языка», т. 7. М.—Л., изд. АН СССР, 1958.

¹⁷ «Грамматика русского языка», стр. 123; А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 329.

имеют обобщенный характер и обозначают общие отрицательные понятия. «Никто, ничто, нигде, никогда по существу означают всё, везде, всегда, так что в предложении отрицается всё по отношению всех субъектов, атрибутов, объектов...»¹⁸. Само наличие в предложении указанных местоимений и наречий обуславливает отрицательную форму сказуемого:

*Раньше никто помощи не давал, а выращивали детей;
Косить нисколько там не косили;
По домашнему ницё мужык не помогат;
Я никакими болями не хворала;
Сколько не рабливала, нигде не ругалась;
Я сейчас никуда не хожу;
У нас картовь не гниёт никогда.*

Такое построение предложений ничем не отличается от построения аналогичных предложений в литературной речи. В части северновеликорусских говоров, по свидетельству А. Б. Шапиро, в таких предложениях отрицание не отсутствует¹⁹. В наших говорах засвидетельствовано 175 предложений с двойным отрицанием, среди них 50% составили предложения с местоимением *ничто* (в огласовке *ничё, ницё, ницево*), 17% — предложения с местоимением *никто* в функции подлежащего и дополнения, остальные местоимения и наречия зафиксированы в единичных предложениях.

Предложения с двойным отрицанием используются говорящим для усиления отрицания, для указания на невозможность того действия, которое обозначено глаголом.

5. Предложения с непереходными глаголами.

Наиболее часто отмечаются предложения с отрицательными непереходными глаголами. От утвердительных они отличаются постановкой отрицания *не* перед сказуемым:

*Всяки цветы-то есь, всяки лекарства, токо не идём;
Плохо нынче, не ходят бабы;
Сёдне, ли-ко, не дожжыт;
Цё-ко картошка нынче не цветёт.*

Анализируемый материал показывает, что в разговорной речи отрицание связано с употреблением видовых форм глагола. Так, в предложениях с отрицанием с большей степенью вероятности можно ожидать использование глагола-сказуемого несовершенного вида. Такие предложения могут быть не только самостоятельными высказываниями, но и ответом на вопросы, где сказуемое выражено глаголом совершенного вида:

¹⁸ А. А. Сухарева. Указ. соч., стр. 37.

¹⁹ А. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 198.

— Он пришёл? — Нет, не приходил.

Подобные предложения, особенно с глаголом многократного подвиды, служат для выражения сильнейшего отрицания, посредством которого говорящий утверждает, что данное действие ни разу не было совершено. Это могут быть и самостоятельные высказывания, и ответы на вопрос:

С маю месяцу не бывал.

В своё время на подобные отрицательные предложения как на специфическую особенность «старинного и народного языка» указывал В. И. Чернышев²⁰. Очевидно, и в настоящее время о них можно говорить как о предложениях, свойственных диалектной речи²¹.

В анализируемом говоре предложения с многократными глаголами прошедшего времени не являются широко употребительными, по существу фиксируются лишь предложения с одним и тем же лексически ограниченным кругом глаголов-сказуемых (*не видывал, не слыхивал, не бывал*). Данные предложения используются в речи с особым стилистическим заданием — передать наивысшее отрицание того или иного действия, так как в таких предложениях даётся отрицание каждого из возможных актов многократно повторяющегося действия:

Давно уже не ежжывала в Вишеру.

6. Предложения с составным именным сказуемым.

Отрицательные предложения с составным именным сказуемым отличаются от утвердительных лишь постановкой частицы *не* перед сказуемым:

*А я уж не хозяйка;
А я не учёная, не грамотная.*

В общем количестве отрицательных предложений они составляют только 6%.

7. Предложения с составным глагольным сказуемым.

Чаще встречаются отрицательные предложения этого типа. Сказуемое в них состоит из глагола с модальным значением (*мочь, суметь, стать, уметь*), обозначающего в сочетании с отрицанием *не* в данных предложениях неспособность, невозможность к действию, и инфинитива, обозначающего это действие:

*Мы, старики, робить-то не можем;
Мы попустилися: не стали больше пахать;
На нём я не умею играть.*

²⁰ В. И. Чернышев. Указ. соч., стр. 14.

²¹ При рассмотрении отрицательных предложений Е. М. Галкина-Федорук не упоминает даже о предложениях с многократными глаголами. См. «Современный русский язык. Синтаксис», стр. 106 и далее.

Наиболее часты в наших материалах предложения с глаголом *мочь*. Но этот факт отражает ситуацию записи: она в основном проводилась от людей пожилого возраста, что обуславливало и тематику, и лексику разговора.

8. Безличные инфинитивные предложения.

Эти предложения передают различные модальные оттенки речи. Они служат:

а) для выражения невозможности события (*Буран какой, нельзя выйти*). Эти отрицательные предложения противопоставлены утвердительным по своему лексическому составу (можно выйти — нельзя выйти);

б) для отрицания необходимости события (*Не надо летать босиком, ведь не тяжёлы обулки-те*). От утвердительных поподобные предложения отличаются лишь употреблением отрицания *не* перед словом *надо*;

в) для выражения нежелания участвовать в том или ином действии (*Сенокосить надо, не охота коровы попускаться*). От утвердительных они отличаются тоже лишь наличием частицы *не*.

* * *

Анализ отрицательных предложений в диалектной речи позволил сделать вывод о том, что они имеют некоторые особенности в построении, отличающие эти предложения от утвердительных. Особенности отрицательных предложений могут быть структурными:

— безличные предложения с глаголами бытия в прошедшем времени (в противовес личным утвердительным);

— безличные предложения со словом *нет* в роли главного члена.

Особенности отрицательных предложений связаны с использованием особых грамматических категорий:

— глаголов несовершенного вида (в противовес глаголам совершенного вида в утвердительных предложениях);

— глаголов со значением многократности в форме прошедшего времени.

Особенности отрицательных предложений связаны с использованием определенной лексики:

— обобщающих слов *никто, ничто, нигде* и т. п., противопоставленных утвердительным словам *все, всё, везде* и т. п.;

— модального слова *нельзя*, противопоставленного в утвердительном предложении слову *можно*.

Построение отрицательных предложений, выявленное при анализе диалектной речи, имеет некоторые особенности по сравнению со структурой отрицательных предложений в литературной, нормированной речи:

— появление в единичных случаях личных отрицательных предложений с глаголами бытия (*Почта не будет*); в данном диалекте этот тип предложений, свойственный северным русским говорам, оказался малоустойчивым;

— появление в некоторых случаях личных отрицательных предложений со словом *нет* в качестве структурного центра (*Огурцы нет*);

— использование **и** отрицательных предложениях с переходными глаголами дополнения в винительном падеже, что является отражением тенденции, свойственной всей разговорной речи;

— использование в отрицательных предложениях многократных глаголов прошедшего времени; использование форм однократных глаголов несовершенного вида совпадает с нормами литературного языка.

Анализ показал, что язык, как рачительный хозяин, очень экономно привлекает специфические средства для выражения отрицания; именно поэтому отрицательные предложения обычно противопоставлены по своему строению утвердительным лишь в некоторых звеньях структуры.

Л. А. Грузберг, Ф. Л. Скитова

КОНСТРУКЦИИ ТИПА *ВРАЧ ПРИШЛА* В НАРОДНОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В специальной лингвистической литературе и в пособиях по культуре речи конструкции типа *врач пришла* до сих пор не получили общепризнанной оценки.

В одних случаях эти конструкции рассматриваются как противоречащие нормам литературного письменного языка, в других — как закономерное явление современной разговорной речи.

Так, в широко распространенной брошюре Д. Э. Розенталя «Культура речи» конструкции типа *врач пришла* признаются допустимыми лишь в разговорном языке, а не литературном письменном¹. Подобная же оценка указанных конструкций дана в Академической грамматике, где говорится: «Если подлежащим является имя существительное мужского рода, обозначающее должность, профессию, то сказуемое согласуется с этим существительным в роде независимо от пола того лица, о котором идет речь, например: *Кондуктор дал сигнал к отправлению* (и о мужчине, и о женщине)... В связи с распространением среди женщин всех профессий в современном языке в подобных случаях может иметь место употребление сказуемого в форме рода, соответствующего полу лица, о котором идет речь, а не грамматическому роду имени существительного, например: *Кондуктор дала сигнал к отправлению; Директор школы уже пришла*. Такое употребление распространяется в разговорной речи»².

¹ Ср.: Д. А. Розенталя. Культура речи. Изд. МГУ, 1964, стр. 71.

² «Грамматика русского языка», т. II, ч. I. М., изд. АН СССР, 1954, стр. 512.

Специальное пособие по литературному редактированию запрещает употреблять такие конструкции не только в письменной, но даже и в разговорной речи: «При имени существительном, обозначающем профессию, должность, звание и т. д., сказуемое ставится в мужском роде независимо от пола того лица, о котором идет речь, напр., *врач сделал операцию, секретарь выдал справку*. В разговорном языке, когда известно, о ком идет речь, часто встречается неверная постановка сказуемого в форме рода, соответствующего полу называемого лица, напр., *директор вызвала к себе вожатую, секретарь записала на прием, кондуктор объявила* и т. д.»³.

В одном из пособий по современному русскому языку для высших учебных заведений излагается положение, являющееся теоретической базой суждений о недопустимости рассматриваемых конструкций в литературном языке. По нормам традиционной грамматики сказуемое и определение в двух формах — мужского и женского рода — могли употребляться лишь при существительных общего рода на *-а, -я* (*гуляка, плакса, чистюля*). Существительные типа *врач, инженер, геолог* и т. п., соотносимые с лицами мужского и женского пола, этим пособием оцениваются как имена, ничего общего не имеющие со словами общего рода: «С существительными общего рода не следует смешивать слова с формальными признаками мужского рода (названия лиц по профессии, должности, роду занятий), которые в настоящее время широко применяются для называния лиц женского пола. Эти слова в грамматическом отношении не стали словами общего рода...»⁴.

В специальной лингвистической литературе есть и диаметрально противоположные суждения о грамматической природе существительных *врач, инженер, геолог* в современном русском языке, о месте конструкций типа *врач пришла* в литературной письменной речи и о причинах и закономерностях происходящих в языке сдвигов, которые порождают эти конструкции.

Видный московский лингвист И. П. Мучник в статье «Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке» пишет: «Основной довод, приводимый всеми, кто считает рассматриваемые конструкции противоречащими грамматическому строю русского языка, заключается в том, что они представляют нарушение обычных норм согласования слов. Однако при обстоятельном рассмотрении фактов на фоне исторического развития грамматической системы этот до-

³ К. И. Былинский, Д. Э. Розенталя. Литературное редактирование. М., 1961, стр. 273.

⁴ Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталя, М. И. Фомина, В. В. Цапкевич. Современный русский язык. М., «Высшая школа», 1966, стр. 162.

вод оказывается несостоятельным. Дело в том, что многие подобные «нарушения» уже в далеком прошлом стали распространяться в языке и давно получили права гражданства в нем»⁵.

В книге «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка» утверждается, что «полное равенство условий, созданное Октябрьской революцией для участия мужчин и женщин в самых разных отраслях труда, продиктовало не только возможность, но и необходимость употреблять названия лиц (по виду деятельности), нейтральные к дифференциации по полу, с тем чтобы в нужных случаях их можно было одинаково применять к мужчинам и женщинам... Форма мужского рода наряду со своей способностью обозначать лицо мужского пола приобрела способность обозначать лицо в отвлечении от пола, т. е. выступать в функции общего рода», — и несколько дальше: «Факты... показывают, что в советскую эпоху под сложным влиянием внутриязыковых тенденций и социальных факторов формируется особый грамматический класс (или подкласс) слов — новый тип существительных общего рода»⁶.

Эти положения — результат изучения широкого фактического материала (включающего, в частности, ответы свыше 4000 человек — носителей литературного языка, представителей разных социально-возрастных групп — на специальный вопросник), а не отвлеченных от реальной речевой практики и языковой действительности рассуждений.

Достаточно исчерпывающее и убедительное решение этого вопроса, как и любого другого, не может быть достигнуто без привлечения материала, освещающего жизнь языкового явления во всех разновидностях национального языка, включая литературный письменный язык как высшую форму его и диалектный язык как территориальные вариации народного разговорного языка. Ведь абсолютное большинство языковых явлений, составляющих систему норм литературного языка, зародилось в недрах народного разговорного языка и из него переходило в литературный язык. Не случайно крупнейшие языковеды страны, проследившие развитие русского литературного языка, неизменно обращались к изучению не только фактов образцовой письменной речи, но и речи диалектной. Именно на таком широком материале построено классическое исследование акад. А. А. Шахматова «Синтаксис русского языка» (Л., Учпедгиз, 1941), капитальные труды акад. С. П. Обнорского «Именное склонение в современном русском языке»

⁵ См. в кн. «Развитие современного русского языка». М., изд. АН СССР, 1963, стр. 81.

⁶ «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка». М., «Наука», 1968, стр. 20, 21, 41.

(вып. 1, Единственное число. Сб. ОРЯС АН СССР, т. 100, № 3. Л., 1927; вып. 2, Множественное число. Л., изд. АН СССР, 1931) и «Очерки по морфологии русского глагола» (М., изд. АН СССР, 1953) и некоторые другие исследования, вскрывающие сложную динамику и диалектику родного языка.

При решении вопросов, связанных с природой конструкций типа *врач пришла*, лексико-грамматической квалификацией существительных типа *врач, инженер, геолог* и продуктивностью такого способа наименования женщин по профессии, вопросов, касающихся соответствия этого способа и этих конструкций грамматическому строю русского языка и системе норм его литературной разновидности, а также перспектив их развития, диалектный материал почти не привлекался.

Между тем разработка данного вопроса на диалектном материале чрезвычайно актуальна и в плане разрешения ряда проблем диалектной лексикографии. Многочисленным коллективам лингвистов страны, составляющим областные словари, приходится решать не только теоретические вопросы, связанные с категорией грамматического рода в современном языке, но и реализовать их решение при подаче в конкретных словарях этого класса слов.

Настоящая статья представляет собой изложение некоторых наблюдений над использованием конструкций типа «врач пришла» и в целом группы существительных нового подкласса общего рода в одном из русских говоров Пермской области. Она выполнена на материалах картотеки полного словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области, над составлением которого работает коллектив диалектологов Пермского университета⁷. Сейчас картотека словаря насчитывает 1 миллион карточек. Диалектологические записи, на основании которых она составлена, велись в течение последних 10 лет в ходе лексических экспедиций в д. Акчим.

Сразу же заметим, что слова общего рода или существительные со значением лица специально в Акчиму не собирались. Материалы картотеки отражают использование этого класса слов и словосочетаний в естественной, не «направленной» специальными вопросами речи.

В картотеке Акчимского словаря, наряду с многочисленной группой давно утвердившихся в говоре существительных общего рода типа *базы́ка* (крикун) или *бае́рака* (скандалист), сочетающихся с глаголами и определениями как в форме мужского, так и женского рода (*базы́ка пришёл* и *базы́ка пришла, настоящий базы́ка и настоящая базы́ка*), встретилась менее

⁷ Подробнее об Акчимском словаре см. в предисловии к пробным словарным статьям, помещенным в 1-м выпуске «Живого слова в русской речи Прикамья». Пермь, 1969.

многочисленная, но достаточно отчетливо очерчивающаяся группа существительных нового подкласса общего рода.

Этот новый подкласс составляют наименования лиц по профессии, роду занятий, общественной деятельности, когда-то соотносимые только с лицами мужского пола, поскольку в прошлом эти виды деятельности были доступны только мужчинам. В него входят такие существительные, как *агент, агроном, автор, агитатор, бакенщик, бригадир, бухгалтер, ветеринар, врач, доктор, инженер, командир, лесоруб, мастер, касир, ревизор, счетовод, техник, фельдшер* и т. п.

В годы Советской власти, когда женщины стали равноправными членами общества и приобщились к большому числу ранее недоступных для них профессий и должностей в производственной, экономической, административно-политической, культурной и других областях жизни, эти существительные стали соотноситься и с лицами женского пола и сочетаться с глаголами в форме не только мужского, но и женского рода.

Картотека Акчимского словаря отражает процесс формирования этого подкласса как явление сложное и в ряде моментов противоречивое, встречающее в языковой системе говора не только поддержку, но и противодействие. За фактами функционирования конкретных существительных встают отдельные ступени общего процесса формирования нового подкласса имен общего рода в его поступательном развитии.

Правда, далеко не всегда в картотеке обнаруживается материал, позволяющий иллюстрировать постепенный переход в класс существительных общего рода конкретного наименования лица, конкретного существительного. Это объясняется прежде всего спецификой жизни слов в устной речи. Говорящие ведь не заботятся о том, чтобы использовать более или менее равномерно все возможные формы слова во всех возможных типах словосочетаний. Обычно слово в устной речи фиксируется в узком кругу тех типов конструкций, которые являются наиболее актуальными в силу соответствия их нуждам общения. Не случайно некоторые формы отдельных слов используются не столько в естественной речи, сколько в своеобразных лингвистических анекдотах, подобных тому, герой которого просил отпустить ему не одну кочеру, а целых пять и долго гадал, как же написать: кочергей, кочерг или кочерёг — и, наконец, нашел выход в формуле: «Изделие кочерга в количестве 5 (пяти) штук».

Конструкции типа *врач пришла (приехала, сказала, велела, прописала, выдала, направила* и т. п.) ситуативно актуальны, ибо по характеру своей деятельности врач приходит или приезжает к больному, прописывает лекарства, выдает справки, дает рекомендации. И в записях бытовой речи эти

сочетания встречаются достаточно часто. Сочетания же *красивая врач* (или *веселая, голубоглазая, высокая* и т. п.), теоретически вполне возможные, закономерные, правильные, практически весьма ограничены ситуативно и потому редки: об этих качествах врача люди обычно не говорят. И обнаружить такие конструкции в записях, отражающих естественную речь, не всегда удается, поскольку эти записи достаточно точно отражают соотношение актуальных и неактуальных конструкций.

Наши материалы свидетельствуют о том, что на первых порах при необходимости назвать женщину-специалиста в какой-либо области в говоре проявлялась склонность образовывать от существительного мужского рода соответствующее существительное женского рода. О женщине-враче говорили *врачиха, докторица, докторша*, о женщине-фельдшере — *фельдшерица*, о женщине-мастере — *мастерица*, женщине-бригадире — *бригадирка, бригадирша*. Показательно, что сейчас эти образования отмечаются почти исключительно в речи представителей старшего поколения, и при этом малограмотных и общественно малоактивных людей. Именно в речи таких лиц были зафиксированы фразы:

Быват докторша, фершалница пониже; Женщины на Мутыхе-то мало ездит, врачиха-то. Народу-то много ходит, на две смены робыт; Там врачихи всё были. Да и в Красновишерске мушшын совсем нет, всё врачихи, только зубной врач мушшына. У нас своя врачиха тут, хорошая, на Мутыхе-то; — У меня это место всё колет... — К докторице надо идти; Вот на Вас-то докторша-та, она признала, даже, говорит, операцию делала.

Носители говора средних лет и младшего поколения нередко считают эти слова устаревшими, оценивают употребление их в речи как нарушение норм говора и языка в целом. Сравните весьма показательное в этом отношении рассуждение:

Докторшу неграмотны женщиныны называют докторица. Лечила, говорят, докторица.

Отдельные образования такого типа зафиксированы вообще только в репликах, представляющих собой ответ на прямой вопрос диалектолога. Создается впечатление, что не будь в руках участников одной из экспедиций специальной программы по словообразованию, в картотеку не попали бы некоторые слова, ибо для естественной речи современных акчимцев они не характерны. Только в ответах на прямой вопрос встретились слова *бригадирка* и *бригадирша*. Приводим все имеющиеся примеры:

Бригадирка — это женщинына. Она главная в бригаде, по колхозам, по сенокосам. Могут и бригадирша (сказать). То же и бригадир, хоть она и женщинына; Чаще мы даже бригадир называем женщинын, и все. Бригадир-то сказать полегче,

а бригадирка тяжелее; Бригадирка и бригадирша — одно и то же. Бригадирка — значит работает бригадиром, деньги выдаёт да что; Раз она бригадир — бригадирша называют, как-ино бôle?

В аналогичной ситуации были записаны и некоторые случаи использования слова *врачиха*:

Человек, который лечит людей, — врач. Врачиха — это женщина.

Акчимской картотекой отражен и другой путь, по которому шел говор, отвечая на запрос жизни — дать наименования по профессии для женщин. Как и в литературном языке, в говоре использовались существительные мужского рода в сочетании со словом *женщина*: *женщина-врач, женщина-техник*. Однако, судя по нашим материалам, такое словоупотребление в очень малой степени соответствовало особенностям словообразовательной системы говора. Во всяком случае, в картотеке такие образования представлены единичными примерами. Обращает на себя внимание и другое обстоятельство. Все имеющиеся примеры зафиксированы в речи общественно активных, нередко имеющих среднее специальное образование жителей деревни. Вполне возможно, что появление таких сочетаний в говоре связано было с влиянием литературного языка. Фактический материал, отражающий этот путь, исчерпывается следующими примерами:

А потом эта женщина-техник утонула; Ну, тожно назавтре врач пришла женьшына; Тутока жила женьшына-купец-от.

Совсем нет в картотеке образований типа *геологиня* или *агрономиня*. Очевидно, говор, не создавая подобных образований, не воспринял их и из городской речи, хотя ежегодно работающие в Акчиге диалектологи, например, упоминали и *филологинь*, и *геологинь*, и *биологинь*, и *диалектологинь*. Возможно, эта «устойчивость» говора связана с тем обстоятельством, что слова *геологиня*, *филологиня* и т. п. имеют в речи явно сниженную эмоционально-экспрессивную окраску сравнительно с *геолог*, *филолог*.

Наиболее продуктивным оказался третий из возможных вариантов наименования женщин-специалистов. Их называют так же, как и мужчин, не создавая специальных существительных женского рода и не присоединяя к наименованию слова *женщина*. Уточнение, о ком идет речь — мужчине или женщине, производится средствами грамматики. В одних случаях слова, с которыми согласуется такое существительное, приобретают форму мужского рода, в других — женского:

Мне фельшер рекомендовал, велел горячее молоко с содой пить; Фельшер сказала: ненормальна будёт; Фельшер-то молодая была, первые роды принимала; Сенька молодой был бригадир; Бригадир-то прогнал меня домой; Колхоз был, дак

сеяли овёс, ячмень. Когда дойдёт. Когда нет — скоту тогда скосят. Один раз дошло, на моей паметё, в войну сеяли дак. Я ишо тогда бригадиром была, дак помню; Мне вот врач-то сказал: своё бы сохранить здоровье, ты бы до ста лет прожила; Был врач Муравицкий. На фронте убили. Поляк был; Врач пожылой. Он какие-то приборы мне, како-то давления мерил; Врач написала мне гумажки; Поехал лечиться да там и утонул. Врач сказала, что у тебя гакализму (алкоголизма) никакого нет, одно роспушиёниё. Он поехал да и нырнул.

Такое согласование по смыслу, а не по форме существительного не было для говора явлением абсолютно новым. Именно такое согласование характерно для существительных традиционного класса общего рода:

— Куды-ко балахня ужé побежала. — Кто? — Да Оля-то; У-у, балахня какая дурная бежит; Ну, говорит, балахоня снарядилсь! Неупрятный-неупрятный!; Ну, опять базыка запел; Ой, опять заревел, базыка ты едакий!; Ах ты большеротая базыка, Зинка!

Необходимо заметить, что в говоре традиционную группу существительных общего рода, кроме имен на *-а*, *-я*, составляли и слова на *-о*, а также на согласный⁸. И все они уже издавна сочетались с глаголами и прилагательными (а также местоимениями, причастиями, порядковыми числительными) в форме мужского и в форме женского рода. Несколько примеров:

Ничего не поймёшь у ё. Наговрела, набормотала, бормотало настоящая!; Ну, пошёл опять бормотало плести (языком); Она все в треттем! Какая бестолочь!; Какой ты бестолочь!; Вытарашишыла шары-те, стоит булыч!⁹; Я парня часто булычом ругаю, а он мне говорит: ты сама булыч!

Наличие таких параллелей, несомненно, поддерживает процесс формирования нового подкласса существительных общего рода. Однако процесс этот сложный. Согласование по форме иногда дает о себе знать. Так, в сочетании с глаголом в форме женского рода притяжательное местоимение выступа-

⁸ Подобная картина отмечается и в других русских говорах. Ср. Л. В. Сахарный. Словообразование личных имен существительных в русских говорах Среднего Урала. «Вопросы истории и диалектологии русского языка». Свердловск, 1963, стр. 61—99; Л. А. Климова. К вопросу о некоторых особенностях диалектной словообразовательной системы имен существительных (на материале говоров южных районов Горьковской области). «Статьи и исследования по русскому языку». Изд. МГПИ им. В. И. Ленина, 1960, стр. 52; Ю. И. Чайкина. Эмоционально-оценочная лексика со вторичными значениями в череповецких говорах. «Вопросы теории и методики русского языка». Уч. зап. Вологодского пед. ин-та, т. 33, вып. II, Вологда, 1967, стр. 156—168 и др.

⁹ *Булыч*. Бранное. О ребенке, который смотрит широко раскрытыми глазами, в то время как ему следовало бы спать; о человеке, который тащит глаза.

ет в форме мужского рода, формально согласуясь с существительным *командир* (речь идет о командире-женщине):

Вместо нас прислали много девушек, тоже в морской форме. Командир у них свой была.

Колебания в выборе глагольной формы отмечаются только в пределах ряда следующих друг за другом предложений, связанных общим носителем действия. Интересны в этом плане такие примеры:

У нас нынче и фельшера нету. Ушёл замуж. Уехала; И к ним пришла на дом врач. И он (врач) ей (больной женщине) уколы ставил и вылечил её.

Но в целом материалы Акчимского словаря — яркое свидетельство того факта, что именно третий вариант решения продиктованной жизнью задачи оказался для народного говора наиболее приемлемым.

Параллельные образования для наименования лиц по профессии фиксируются картотекой в основном применительно к занятиям и профессиям, относительно давно доступным и мужчинам, и женщинам. Ср.: *лекарь — лекарка, швец — швейка, почтáрь — почтариха, почтáльон — почтáльонка, мастер — мастерица, обозник — обозница, подённый — подённая — докторша, налóжник (сборщик налога) — налóжница, балáнный (рабочий леспромхоза, заготавливающий балансовую древесину) — балáнная, артист — артистка, сторож — сторожиха, подавальщик — подавальщица, бригадир — бригадирша.*

Из слов, называющих женщину по роду занятий и утвердившихся в говоре только после революции, лишь к существительному *бригадир* зафиксированы параллельные образования. Остальные же существительные представлены одной формой. Акчимцы уже давно встречаются с женщинами-инженерами, в том числе и выходцами из их родной деревни, но в картотеке нет ни одной карточки с образованием типа *инженерша* и т. п. О женщине-инженере говорят только *инженер*:

А другая (дочь) на Вае на складе робит. А в Одессе (которая) — она инженером робит.

Давно известны акчимцам и женщины-завхозы. Но в картотеке нет ни одной фиксации образований женского рода от этого существительного. Слово *завхоз* одинаково свободно используется по отношению к мужчине и женщине. Ср.:

Захвозом-то работала одна, а бригадиром нет — всё у нас мушшны были; Захвоз-от на Ваю вчера уехал.

Существительным общего рода является в говоре и слово *сучкоруб*:

Женьшыны часто ходят сучки-те окóривают — их сучкорубы называют; Женшын не допускают толкачами, женьшыны больше сучкорубы.

В отдельных случаях относительно новое для говора слово, не успевшее еще отлиться в единую для говора фонетическую форму и выступающее в ряде фонематических вариантов, грамматически успело утвердиться как существительное общего рода. Так, слово *ветеринар*, представленное в наших материалах многочисленными примерами, зафиксировано в 6 фонематических вариантах: *ветеринар, ветелинар, велитинар, вилитинар, ветинар и ветенар*. Но во всех случаях женщину-ветеринара называют *ветеринаром*, а не *ветеринаркой, ветеринаршей* или как-нибудь иначе. И в сочетаниях с глаголами и определениями это слово выступает как существительное общего рода:

Женьшына и мушшына — одинаково: ветенар да и всё; Эта женьшына, которая раньше, девушкой, при колхозе ветелинаром работала, она теперь ни от кого не работает. У неё теперь инструменту нет, лекарств нет, ни градусников, ничего нет.

Нет в картотеке и образований женского рода, параллельных словам *кассир, бухгалтер, землемер, командир, лектор, лесотехник, организатор, ревизор, секретарь, техник, хирург*, хотя женщины в этой роли акчимцам известны. Их называют так же, как и мужчин. Несколько примеров:

У нас учётся на бухгалтера девка; Девка одна была, бухгалтером робила; Нина бухгалтером на заводе; На ревизора училась, кассиром работат в конторе; На курсы она убежала в Тюмень, на ревизора. В суде поначалу работала; У нас здесь техник жила; Да большая уж. Секретарём в Сыпучах робит и т. п.

Некоторые записи свидетельствуют о том, что носители говора не только бессознательно, но в ряде случаев и достаточно осознанно отдают предпочтение образованиям общего рода, а не словам со специальными суффиксами женского рода. Показательны в этом отношении такие примеры:

Бригадир зовут и мушшыну, и женьшыну; Всё равно бригадир. Одно слово-то. Что мушшына, что женьшына; Если бригадиром работает, бригадиром и назовут. Ну и что, что женьшына.

Существительные общего рода вытесняют соответствующие образования женского рода. Об этом свидетельствует и количественное соотношение однокорневых слов. Так, словоупотреблений слова *врач* (в конструкциях типа *врач пришла*) в картотеке Акчимского словаря в четыре раза больше, чем словоупотреблений слова *врачиха*. Но этот процесс, судя по ряду фактов, может и не быть завершённым. Дело в том, что параллельно с ним идет другой процесс — дифференциация

значений параллельных образований. Слова типа *врач* утверждаются для наименований по профессии и мужчин, и женщин, а слова типа *врачиха* начинают использоваться в сниженном стиле, в тех случаях, когда говорящий выражает свое неудовольствие действиями лица, о котором идет речь.

В абсолютном большинстве случаев о врачах говорят очень уважительно. И тогда женщина-врач — *врач*, а не *врачиха*:

Учёная, грамотная, врачом работает; Шибко не гордилась, что врач; Медичка была, ничего не признала. Ну, тожно на-завтра врач пришла женьшына.

Но порой бывают и иные обстоятельства. И они обуславливают сознательное обращение к сниженному *врачиха*:

Одну девку, котора побольше, дак отправила на Ваю. Там тётка врачихой... Там куды-ко устроили на работу в больницу.

Показательно, что *врачиха* оказалось здесь в сочетании со словом *тётка*, а не *тётя*, *тёта* или *тётенька*, имеющимися в словарном запасе говора.

В случаях, когда проявляется стремление совместить в одном слове и наименование человека по профессии, и оценку его качеств, возможно появление существительных общего рода традиционной разновидности, соотносенных с именами общего рода новой разновидности. Об этом свидетельствует, в частности, следующий пример:

Матерь у неё бригадиришком ходит.

В отдельных случаях суффиксальное существительное не имеет сниженной эмоциональной окраски. Но оно все же отличается от соответствующего слова общего рода, ибо обозначает специалиста той же области, но более низкого ранга. Ср. пример:

Ну, швейка хороша — тоже мастером зовут. Есь мастера и мастерицы (речь идет только о женщинах).

Наблюдения над существительными общего рода нового подкласса приводят к убеждению, что среди причин и сопутствующих факторов этого процесса, выявленных и изложенных в специальных исследованиях¹⁰, следует назвать еще один фактор. Им является достаточно ярко обозначившийся переход от согласования по форме к согласованию по смыслу в кругу словосочетаний различных моделей. В народных говорах прочно утвердилось согласование сказуемого и подлежащего в числе по смыслу, а не по форме: *Народ пришли; Семья*

приехали; Большинство выполнили план и т. п. И в этом отношении конструкции типа *врач пришла*, связанные с появлением нового подкласса существительных общего рода, оказались созвучными переходу от согласования по форме к согласованию по смыслу. Общий процесс расширения смыслового согласования был благодатной почвой для утверждения в говоре новых конструкций с согласованием по смыслу: они легко вписались в контуры этого процесса, что в свою очередь поддерживало формирование существительных общего рода новой разновидности.

Думается, что этот фактор существен не только для народной разговорной речи, но и для литературного языка, в том числе его письменной формы, поскольку в последние десятилетия и в литературном языке достаточно отчетливо проявился в ряде случаев процесс смены согласования по форме согласованием по смыслу.

¹⁰ Среди них в первую очередь следует назвать работы И. П. Мучника «Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке». В кн. «Развитие современного русского языка». М., изд. АН СССР, 1963, стр. 39—82 и «Формирование особого подкласса существительных общего рода» — II глава названной выше книги «Русский язык и советское общество», стр. 19—41. См. также: Л. К. Мелик-Оганджонян. Существительные общего рода в современном русском языке. Автореферат канд. диссерт. М., 1968.

А. А. Грузберг

КОНСТРУКЦИИ ТИПА *НЕТ ВОДА* В ГОВОРАХ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ

Среди особенностей местной сельской речи обращают на себя внимание словосочетания типа «нет вода», «много мука», «кило хлеб».

Диалектологам Пермского университета нередко задают вопрос об их происхождении.

Автор настоящей статьи еще в 1955 году, будучи участником диалектологической экспедиции в Оханский район, приступил к изучению этой особенности пермских говоров.

Впоследствии был обобщен материал, собранный в различных районах Пермской области и извлеченный из диалектологических записей, сделанных на этой же территории диалектологами Пермского государственного университета, Пермского педагогического института и Казанского филиала АН СССР.

В результате предварительного изучения материала выяснилось, что подобные конструкции распространены не по всей территории нашей области, а встречаются преимущественно на севере и северо-западе: в Карагайском, Верещагинском, Сивинском районах, Юрлинском районе Коми-Пермяцкого национального округа и др.

Поскольку эти районы расположены на границе с Кировской областью и Удмуртской АССР, постольку к исследованию были привлечены данные, почерпнутые из диалектологических записей, выполненных на территории Кировской области и Удмуртии¹.

¹ Пользуясь случаем, автор приносит искреннюю благодарность ведущему кафедрой русского языка Кировского педагогического института доценту В. И. Троицкому за предоставленную им возможность ознакомиться с этими материалами.

В целом были просмотрены записи народной речи по 365 населенным пунктам Пермской и Кировской областей и Удмуртской АССР.

Оказалось, что именительный падеж дополнения вместо родительного используется в двух различных типах синтаксических конструкций: при отрицании (*Нет ягода нынче; Не было земля у нас*) и в количественно-именных сочетаниях (*Ведро пшеница; Много грибы; Яйсы-те мало; Девять штук курицы*).

Конструкции с отрицанием² включают в себя существительные всех трех родов:

Лев здись нету (Дуб — П)³; Навоз нету на грядках; Ветерок нету (Лоб — П); Год нету, как парницька родила; Милиционер нету, дак он за всё отвечает (Козм — П); Лебедь здесь нету (Шаб — П); Нет у мяя уют (Я — П); Кириш нет трубу класти (Слоб — К); Нынче и в лесу-то малинник-то нету (Уг — К); Тормоз нет, дак гонять шибко не будёт (Об — У); Закон этот нету у нас, чтобы делегат двисти километров пешком ходил (Буз — У).

Корова-та нету дома-та? (Дуб — П); Вода в кадце, пожалуй, нету (Лип — П); Здися нету клюква, брусника нету (Тит — П); Застёжка нету (Юр — П); У меня баба тожо нету (Пуз — П); Хоть нет брага-та, да сидте (Пал — П); В лесу рыба нет (Дем — П); Нету мать-та (Лоб — П); Нету жимолось (Тит — П); Чё делать, если мелочь нету (Козм — П); Анюта-та нету дома? (Юр — П); Папироска в руках нету (Бис — К); Через реку нету переправа (Кост — К); Есь ле нет ле ишо мука-та? (Вол — К); Девка-та нету дома (Буз — У); Машина-то нету нынче (Об — У).

Пшено ниту у тебя?; Молоко в грудях ни крошки ниту (Козм — П); Здоровье нет, больной я (Пах — П); Весло нет (Лип — П); Сено нету (Пуз — П); Нет времё-то (Ник — К); Пиво даже нет (Биг — У); Письмо нет (Об — У).

В приведенных примерах существительное-дополнение стоит в единственном числе. Но в наших материалах немало примеров и с дополнением во множественном числе:

На поле ведь нет преники (Елога — П); Видно, хозяйва нету-ко дома (Лип — П); У нас здись нету пермяки (Юр — П); Парни нет, девок много (Пах — П); Чё-йно долго у Микиты гости-то нету? (Пуз — П); Пришла коза, косточки на шошке, козлята нету (Рак — П); Нет угурцы (Ор — П); Отвалки железные нет у сохи (Б. К — П); Граб-

² О количественно-именных сочетаниях см.: А. А. Грузберг. К изучению синтаксиса северновеликорусских говоров (Именительный падеж дополнения в количественно-именных сочетаниях). «Уч. зап. Пермского ун-та», т. XXII, вып. 1, Пермь, 1962, стр. 69—72.

³ Условные обозначения см. в конце статьи.

ли-то нету у вас? (Пож — П); Ясли у нас нету (Пал — П); Там нету комары-то (Кост — К); У нас нету дожжыки; У нас робята больше нет, возить некому (Об — У).

Кроме имен существительных, в качестве дополнения в подобных сочетаниях встречаются также местоимения различных разрядов:

личные: Он нет жо у нас (Шаб — П); Ниту она у нас (Дуб — П); Поди, она нету тама (Козм — П); Он дома нет (Буз — У); Она уж нету (Уг — К); Я к им приходила, да они нету, кудыкося уйдёно (Сав — П); Они-то сейчас нету дома-та (Ол — К); Мы нету дома ишо (Буз — У);

указательные: Та нету дома (Пож — П); Те нету у нас (Лип — П); А ете уж нет (Лоб — П); Эко-то ницё нету (Козм — П); У вас нет такая (Бал — У);

отрицательные: Нихто там нету (Дуб — П); Старше её нихто нету здесь (Лип — П); Нихто на мельнице нету (Тит — П); Никака боле нету (Козм — П); Девка есь у меня, робит, больше никто нету (Бор — К); Никакой больше нету (Пес — У);

притяжательные: Свои-те нигде нету (Лоб — П).

В именительном падеже употребляются также дополнения, выраженные субстантивированными

прилагательными: А маленьки-те вовсе нету (Козм — П); Нынче молодые нет (Уг — К);

причастиями: В деревне-то ни у кого у нас нет крашены-то (Лоб — П); Приижжы-те нету (Козм — П);

количественными числительными: Ни одна нету никого (Пож — П); А в другой деревне и одна ишо нету (Юр — П).

О том, что перед нами не винительный, а именительный падеж дополнения, достаточно четко свидетельствуют примеры с существительными женского рода единственного числа на -а, у которых окончания именительного и винительного падежей различаются (не встретилось ни одного примера типа «землю нету», «ягоду не было»).

В именительном падеже употребляется не только само дополнение, но и все относящиеся к нему определения:

Тёпла вода нету (Елога — П); Гуси здись нету дикие (Лип — П); Рука нету права-та (Лоб — П); У нас угли-те нету свои (Пож — П); А что, грабли запасные нет у вас? (Рак — П).

Встретился также пример: Тепере нету они, шамшурь-те (Шаб — П), где в именительном падеже стоит не только дополнение, выраженное местоимением, но и приложение. Отмечен также случай, когда дополнение стоит в именительном падеже, а определение к нему — в родительном: Никаких книги нету (Красн — П).

Во всех приведенных примерах именительный падеж дополнения употреблен при глаголе *быть* с отрицанием и при слове *нет*. С другими глаголами именительный падеж вместо родительного встречается значительно реже. Несколько примеров:

С осени не стало вода-та (Дем — П); Память дак совсем не стало (Козм — П); Сёдня мука не хватит (Дуб — П).

Поиски в лингвистической литературе указаний на конструкции с именительным падежом дополнения показали, что подобные явления отмечены и в других говорах русского языка.

Впервые, в 1901 году, конструкции с именительным дополнением при отрицании были отмечены В. Г. Богоразом в русских говорах Колымки. Исследователь писал: «...при отрицании нету существительное вместо родительного падежа ставится в именительном: карбас нету, рыба нету и нихто нету»⁴.

Акад. А. А. Шахматов привел несколько примеров с именительным дополнением в своем «Синтаксисе русского языка», завершеном к 1920 году. Здесь интересующие нас конструкции даются со ссылкой на следующие источники: названную работу В. Г. Богораз, «Северные сказки» Н. Е. Ончукова (Бабушко, нет ли у тебя о семидесяти заплат зипунишко?; Нет, скае, ни конному, ни пешему, ни самому лешему проход в том месте) и ответы на Программу Академии Наук по Соликамскому уезду Пермской губернии (На руках-то уж кожа нет; Купил бы, да деньги-то нет)⁵.

В вышедшем в 1921 году «Диалектологическом очерке Сибири» проф. А. М. Селищев повторил примеры В. Г. Богораз и привел ряд новых: «У ково кони нет (в говоре семейских), баба ниту, перстень ниту, брат всё-то ниту, он ниту» и некоторые другие⁶.

Были зафиксированы подобные конструкции и в вятских говорах. В работе Е. П. Лупповой, изданной в 1927 году, приведено несколько случаев именительного падежа при отрицании⁷.

А. Б. Шапиро в работах, посвященных изучению синтаксиса русских народных говоров, также приводит конструкции с именительным падежом дополнения: «В деревне раньше ни у кого не было единой самовар (Приозерный район Архан-

⁴ В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. «Сб. ОРЯС», т. 68, кн. 4, 1901, стр. 14.

⁵ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., Учпедгиз, 1941, стр. 139.

⁶ А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, вып. 1. Иркутск, 1921, стр. 129.

⁷ Е. П. Луппова. Говор Куменской волости. «Труды Вятского государственного музея», т. 1. Вятка, 1927, стр. 74.

гельской области); У меня кашель не было (Спасский район Рязанской области)»⁸.

В лингвистической литературе почти нет сведений по вопросу о причинах возникновения интересующих нас конструкций. Правда, А. М. Селищев привел конструкции с именительным дополнением в главе, посвященной влиянию языков местных народностей на язык русского населения Сибири. Это позволило предполагать, что ученый связывал появление указанных конструкций в русских говорах Сибири с иноязычным воздействием.

Однако известно немало случаев, когда сходные языковые явления на разной территории вызывались совершенно разными причинами. Следовательно, ответа на вопрос о причинах существования интересующих нас конструкций в говорах Пермской области по-прежнему пока не было.

В поисках его прежде всего была составлена карта, отражающая распространение этого языкового явления по русским говорам Пермской и Кировской областей и Удмуртской АССР. Изучаемые конструкции в основном были отмечены в Юрлинском и Кудымкарском районах Коми-Пермяцкого национального округа; Сивинском, Верещагинском, Карагайском, Соликамском, Красновишерском⁹ и Чердынском районах Пермской области; Бисеровском и Зюздинском районах Кировской области; Дебёссском, Кезском, Карсавайском и Кулигинском районах Удмуртской АССР.

Интересно, что жители соседних районов воспринимают именительный падеж дополнения как черту, совершенно неприемлемую для их говоров. Показательна в этом отношении запись преподавателя Пермского университета А. А. Мошевой в ответах на Программу АН СССР, по которой диалектологи собирали сведения для диалектологического Атласа русского языка. Описывая говор родной ей деревни Волеги¹⁰, А. А. Мошева отмечает: «Именительный падеж вместо родительного не употребляется. Местные уроженцы дразнили карагайскую женщину, которая вышла замуж в д. Волеги, Бородулину Марью Егоровну:

Рыбка, коска нет,
Бражка, кружка нет».

⁸ А. Б. Шапиро. Типы безличных предложений в русских говорах. «Материалы и исследование по русской диалектологии», т. 2, 1949, стр. 208; Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, стр. 141.

⁹ Примеры по Красновишерскому району почерпнуты из канд. диссерт. Ф. Л. Скитовой «Верхневишерские говоры Пермской области на современном этапе развития». Л., 1961, машинопись.

¹⁰ Деревня Волеги находится в Нытвенском районе Пермской области, расположенном юго-восточнее территории распространения изучаемых конструкций.

Из составленной карты наглядно явствовало, что изучаемое явление территориально тяготеет к Коми-Пермяцкому национальному округу и Удмуртии. Карта наводила на мысль о связи его с языками исконных жителей Прикамья — коми и удмуртов.

Но, как известно, языковое взаимодействие может осуществляться лишь при тесном и длительном общении народов — носителей этих языков. В литературе по истории Прикамья, к которой пришлось обратиться, обнаружилось немало указаний на то, что русское население Прикамья действительно в течение нескольких веков жило вместе с коми, удмуртами и манси. Так, в Зюздинской волости, например, заселенной в далеком прошлом носителями языков финно-угорской группы, русские появились в начале XVII века (первое упоминание о них относится к 1607 году)¹¹. Многие населенные пункты, где особенно часто фиксируется именительный падеж дополнения, насчитывают по 300 и более лет существования. В XVII веке, как указывают исторические источники, манси занимали оба склона Среднего Урала, «захватывая на западе верховья рек Печоры, Вишеры и притоки Камы — Косьву, Чусовую, Сылву с Иренью»¹². Среди просмотренных ответов на Программу собирания сведений для диалектологического Атласа русского языка неоднократно встречались записи типа: «Население деревни смешанное. Здесь наряду с русскими живут пермяки, но русских все же больше. Чистых пермяцких семей уже нет» (Вол — К). Таким образом, исторические данные подкрепляют предположение о возникновении интересующих нас конструкций в результате иноязычного воздействия.

Однако преждевременно с полной уверенностью утверждать, что причиной появления рассматриваемых конструкций было иноязычное воздействие. Необходимо обратиться к данным языков коми, манси и удмуртского.

Оказалось, что в языке коми при отрицании *абу* употребляется не родительный падеж, а так называемая основная форма¹³ — внепадежная форма имени существительного, в части своих функций совпадающая с русским именительным падежом¹⁴. Так, *абу морт* — «нет человека» (буквально «нет человек»); *абу мортъяс* — «нет людей» (буквально «нет людей», где *-яс* — показатель множественного числа).

¹¹ См. «Древние акты, относящиеся к истории Вятского края». Вятка, 1881, стр. 53.

¹² Ср.: С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 2. М., 1955, стр. 5.

¹³ Ср.: Д. В. Бубрих. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949, стр. 35—37.

¹⁴ Основная форма, в отличие от остальных 15 (по говорам 16) падежей коми языка, оформляется при помощи нулевой флексии.

В удмуртском языке при отрицании *овӧл* употребляется именительный падеж¹⁵: *мымам братэ овӧл* — «у меня нет брата» (буквально «у меня нет брат», где *-э* — показатель принадлежности).

И в языке манси основной падеж соответствует русскому именительному, родительному и винительному падежам¹⁶, т. е. между формами именительного и родительного падежей нет различий.

Теперь три фактора — характер территориального распространения изучаемых конструкций, исторические факты и данные языков коми, манси и удмуртского — в совокупности позволили с достаточной определенностью утверждать, что конструкции с именительным падежом дополнения появились в русских говорах Пермской области под иноязычным влиянием.

По всей вероятности, причины, вызвавшие появление конструкций с именительным дополнением в других русских говорах, были аналогичными.

Напомним, что именительный падеж при отрицании, кроме пермских и Кировских говоров, отмечен в говорах Сибири (примеры В. Г. Богораза и А. М. Селищева), на Крайнем Севере («Северные сказки» Н. Е. Ончукова, примеры из которых приведены А. А. Шахматовым в «Синтаксисе», и пример А. Б. Шапиро) и в Рязанской области (пример А. Б. Шапиро).

При изучении литературы, касающейся языков коренных народов Сибири, оказалось, что многим из них также не свойственны формы родительного падежа при отрицании. Например, в эвенкийском (тунгусском) языке отрицаемое слово всегда стоит в именительном падеже: *цунган дун озорин ачир* — «у него нет оленей» (буквально «у него нет олени»); *мигту хава ачинин ачин* — «у нас нет безработицы» (буквально «у нас нет безработица»).

Русские говоры Крайнего Севера испытывали на себе воздействие финского языка, которому также чужды соответствующие конструкции с родительным падежом дополнения, и языков типа эвенкийского.

Что касается фиксации подобных явлений в Спасском районе Рязанской области, то, как показывают данные Атласа русских народных говоров центральных областей к во-

¹⁵ Ср.: «Удмуртско-русский словарь с приложением грамматического очерка удмуртского языка». М., 1948, стр. 445.

¹⁶ Ср.: В. Н. Чернецов и И. Я. Чернецова. Краткий мансийско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.—Л., 1936, стр. 17.

стоку от Москвы, в целом ряде черт этого говора (цоканье, *к* на месте *х* и др.) сказалось воздействие языка мешеры — полностью ассимилированного народа¹⁷. Можно предположить, что и случай именительного падежа дополнения, отмеченный А. Б. Шапиро в этих говорах, — также след, оставленный языком мешеры.

В 1957 году была опубликована статья В. Ф. Барашкова, в которой на материале говоров четырех районов (Бисеровского и Зюздинского Кировской области и Карсавайского и Кулигинского Удмуртской АССР) рассматривалась конструкция с именительным дополнением при отрицании и также высказывалось предположение, что она возникла под влиянием удмуртского и коми языков¹⁸.

Несколько лет спустя В. И. Троицкий в одной из своих работ, высказав согласие с выводом В. Ф. Барашкова о происхождении именительного дополнения, привел много примеров его употребления, записанных на северо-востоке Кировской области¹⁹.

Условные обозначения, принятые в работе

Пермская область (II)

Верещагинский район: *Б. К* — д. Большой Кукуй, *Красн* — д. Красноселье, *Уж* — с. Ужегово.

Карагайский район: *Козм* — с. Козмодемьянское.

Красновишерский район: *А* — д. Акчим, *Ор* — с. Оралово.

Кудымкарский район: *Рак* — с. Ракшино

Сивинский район: *Дем* — д. Демидова, *Кр. Уг* — д. Красный Угор, *Пал* — д. Палёново, *Пах* — д. Пахомово, *Пуз* — д. Пузиково.

Чердынский район: *Я* — д. Янидор.

Чусовской район: *Заг* — д. Загоскино.

Юрлинский район: *Дуб* — д. Дубровка, *Елога* — д. Елога, *Лип* — д. Липово, *Лоб* — д. Лобаново, *Пож* — д. Пож, *Тит* — д. Титово, *Шаб* — д. Шабарино, *Юр* — с. Юрла.

¹⁷ Ср.: Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии рязанской мешеры. 1. Описание одного говора по течению р. Пры. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. 1. М.—Л., 1949, стр. 229.

¹⁸ В. Ф. Барашков. Об одной разновидности отрицательных предложений в северновеликорусских говорах. «Ученые записки Глазовского пед. ин-та», вып. 4. Ижевск, 1957, стр. 246—256.

¹⁹ См.: В. И. Троицкий. О группировке русских говоров по Верхней Каме. В кн. «Очерки по русскому языку». Киров, 1962, стр. 63—66.

Кировская область (К)

Бисеровский район: *Бис* — с. Бисерово, *Кост* — д. Костята.
Зюздинский район: *Бор* — д. Боринская, *Вол* — д. Волковые, *Слоб* — д. Слободская, *Уг* — д. Угор.
Нагорский район: *Ник* — с. Николаево.

Удмуртская АССР (У)

Кезский район: *Биг* — д. Бигичи.
Кулигинский район: *Бал* — д. Балуй, *Буз* — д. Бузбаки,
Об — д. Обросята, *Пес* — д. Пестери.

Л. К. Андреева, Н. В. Горланова

**СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С УМЕНЬШИТЕЛЬНО-
ЛАСКАТЕЛЬНЫМИ СУФФИКСАМИ В НАРОДНОЙ
РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ**

Исследователи русского литературного языка, описывая систему суффиксального образования существительных, обычно отмечают, что существительные с так называемыми уменьшительными, увеличительными и эмоционально-оценочными суффиксами употребляются преимущественно в разговорно-бытовой и народной речи, а также в художественной литературе, которая воспроизводит и отражает эту речь. Литературный язык, как отмечают многие ученые, значительно более сдержан в употреблении уменьшительно-ласкательных форм, чем народные говоры.

Однако специальных работ, посвященных изучению существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами в народных говорах, очень немного.

Наши небольшие заметки основаны на материалах записей речи одной носительницы народного говора — Анны Герасимовны Горшковой, жительницы деревни Акчим¹. Уже первое знакомство с речью Анны Герасимовны обнаруживает, что уменьшительно-ласкательные формы существительных встречаются необычайно часто. Причем преобладают случаи употребления форм именно с эмоционально-оценочным, а не чисто уменьшительным значением, хотя расчлнить эти значения в ряде случаев трудно и даже невозможно.

Можно наметить круг названных существительных и их основные значения. При этом необходимо учитывать поло-

¹ Характеристика ее дана в статье Ф. Л. Скитовой и Е. А. Огиенко в настоящем сборнике.

жение, которое А. А. Дементьев сформулировал следующим образом: «Словами не только называются вещи, явления и отношения реальной действительности; но словам сопутствуют и те добавочные значения существительного или несущественного, возвышенного или низменного, приятного или неприятного, большого или малого (по размеру, объёму, величине), серьёзного или смешного, торжественного или будничного, значительного или незаметного, — одним словом, те добавочные значения, которые связаны с вещами, явлениями и отношениями в реальной жизни. Слова, таким образом, имеют эти добавочные значения потому, что они, эти значения, имеются в действительной жизни и связаны в действительной жизни с теми предметами, явлениями и отношениями, которые обозначаются данными словами»².

Наиболее типичные значения существительных с изучаемыми суффиксами таковы:

1. Уменьшительное значение. Только уменьшительное значение, не сопровождающееся эмоционально-оценочным, имеют существительные, которые называют предмет, относящийся к тому же роду, классу, что и предмет, обозначенный исходным существительным, но постоянно отличающийся от него меньшей величиной. Например, *река* для Анны Герасимовны, как и для других акчимцев, — Вишера, на которой стоит д. Акчим, и другие известные им крупные реки (Кама, Волга и пр.). Все же мелкие реки, впадающие в Вишеру, — *речки*. Ср.: *За ричкой* (р. Акчим) *вон какй были покосы. Рыба хорошая там по речкам-то, жирная; На шести привязывали, издили по Вёслу да чё, по речке.*

Только уменьшительное значение придают существительному суффиксы, на наш взгляд, также в следующих примерах: *Ссекат осинки литовкой* (т. е. маленькие ростки осин); *Где-ко дошшэчка — пирог положи, чтобы не подсеживало; Вот как! Сразу «дошшэчкой по башке!» Нельзя так говорить!; Дай мне тряпочку, косу заплету!; Пирожки тут. Пельмени рубят в корытчике. Корытчи́ко — маленькое, а большое — корыто; Воз большой, а волочага — маленький возок; Гляди, ишучка кака попала, харюзки тут маленько.*

Показательно, что в этих контекстах замена уменьшительного существительного неуменьшительным невозможна, так как неуменьшительное существительное обозначает предмет, значительно больший по объёму, чем тот, о котором идет речь в приведенных фразах.

2. Значение слабой степени проявления действия или состояния, названных в производящем слове. *Косили ешо по холодку-то.*

К этой группе примыкают характерные для говора слова типа *булькоток*, *буркоток*, образованные от глагольных основ с помощью суффикса *-оток* и не имеющие соответствующих «неуменьшительных» форм. Ср.: *Лет десять болею уж. Поем — булькоток на брюхе. Как кошки ревут там. Как кто-то студёну воду льёт в мой живот; Кадцы вымьют, выварят, камни докрасна накалят в печи. Варят — только буркоток идет. Чё-ино ее не вываришь? Она ведь пахнет; Мыши там бегают, только шеборкаток идет...*

3. Уменьшительно-ласкательное значение. Такое значение наблюдается в слове тогда, когда предмет, объективно имеющий меньшую величину, чем соответствующий предмет, названный неуменьшительным существительным, вызывает у говорящего определенные чувства: умиления, ласки, сострадания и т. п. Ср.: *А штаны-то где носит* (внук)! *На подколенках, низко. Только на холочках-то маленько и дёржатся; Вот кака брылочка маленька у Лёньки!; Головка-то калёная, ушки-то зарделися-разгорелися; Долгой мальчик, худой, ножки как спички.*

4. Ласкательное значение. Наиболее отчетливо оно проявляется в случае, когда «неуменьшительное слово означает предмет, о котором нельзя сказать — большой он или малый, в этих случаях уменьшительная форма выражает только ласковость; значение объективной уменьшительности в этих случаях отсутствует»³. Ср.: *Корову наришат, умру дак. Не увидят ни сметанки, ни масличка; Куда-ино я девала маленькую чугуночку? Кашку рисовую сварить надо; На топочке сварить кашичку надо; Тó потерю, другó потерю! Надо давно уж сделать, а я всё хожу. Кашку поставлю тожно; Сердешны-то, может, не токо одна валерьяновка? Ето уж я знаю — валерьяновочка!*

Однако во многих случаях существительные, которые обозначают предметы, могущие иметь разную величину, явно имеют только эмоционально-экспрессивное значение: *В большой чугуночке сварить надо кашу, а то нечево будет ешь! Они могут выражать одобрение: Выкосили, ничего травка была; Коровка хороша, по 10 литров доила; сострадание, жалость: Маленький он рос, покойничок. Нынче бог милует, не умирают робята; Язычок-то у неё не обрезался ли?; любовное отношение к чему-либо, кому-либо: Вчера телличка не пришла домой, где-ко с телятыма; Допряду куделечку — накормлю и т. д.*

² А. А. Дементьев. Очерки по словообразованию имен существительных в русском языке. «Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та», вып. 27, Кафедра русского языка, 1959, стр. 21.

³ А. А. Дементьев. Указ. соч., стр. 25.

5. Уничижительное значение. Наблюдается в тех случаях, когда существительное с суффиксом выражает незначительность, «малость» того, что обозначено исходным словом. Ср.: *Сколько хочешь бедняков-то у нас (было). Ржаньнку каку-то намажешь — чем боуаты, тем и рады; Задожжыт дак изгниёт (сено). На коровку бы где поставить!; А у нас одна коровка! Овец прирезали; Я визиточку накину и ладно! В фуфайке жарко; В больнице похлёбочку токо каку-ко да хлебок дадут и всё. Лучше дома умру, а туда не пойду!; Я робила-робила, а она мне только наклала в ведёрышко картошки; Не заботится-то продащица. По кылышку крупы досталось.*

6. Неодобрительное значение. Формы существительных с этими же суффиксами в некоторых случаях могут обозначать неодобрение, отрицательную оценку того явления, которое обозначено образующим существительным. Ср.: *Все опять затуманило. Вот какая погодка, враг!; Всё затенуло — вот же погодка!; Чё-то снегу сёдни напало! Вот сторонушка хлебородная. Всё смерзывает. Ох и сторонушка!*

Интересно проследить также сферы употребления существительных с уменьшительно-ласкательным и ласкательным значением в речи, т. е. жизненные ситуации, которые вызывают частое употребление этих слов.

Исследователи обычно отмечают, что наиболее часто уменьшительно-ласкательные формы употребляются в речи взрослых, обращенной к детям, и в речи самих детей. Анна Герасимовна все последние годы проводит с внуками, одному из которых сейчас 7 лет, другому — 4 года. Это, безусловно, сказывается на частоте употребления ею уменьшительно-ласкательных форм — они появляются в ее речи почти всегда, когда она обращается к детям или говорит о детях, о детских предметах и т. п. Например: *На, сонн рыбку, хлебушко ешь; Глазки спать хочут. Давай, в кроватку укладу; Айда лучше в зыбочку. Заплачь-ко дак! Нельзя плакать!; А вот чё-ко х ему пелится ногами коробочку ему надо. Он тебе оддас, не изломат: хороша коробоцька, крепка; Она ушла грести сенушко; Пойдём, пойдём гулять. Ворочать травку пойдём. Они травку ворочают, мы птичку имать будём.*

Употребляются обычно уменьшительно-ласкательные формы, когда речь идет о ком-то (чём-то), вызывающем сострадание, жалость или сожаление: *Чё, ись захотел, парничок? Пташечка ты маленькая! Тоже вот мать бедна народила вас много да и умерла (слова обращены к котёнку); У серой овечки на шее кров — собаки хватали; Тёлочка была хорошая, променяли, не надо.*

Характерно для речи Анны Герасимовны, и вообще народной речи, употребление ласкательных форм, когда разговор заходит о жизненно важных предметах, животных. *Сбилась хорошая погода, не направится. У людей кошенинка на-кошена; Выкосила? Ницего травка была?; На короушку сено надо ставить, некогда по ягоды ходить.*

Очень часто существительные с ласкательным значением Анна Герасимовна употребляет тогда, когда говорит о повседневно окружающих ее, привычных, «своих» предметах: *Квашоночку завела, завтра испеку пирог; Пойдем ягоды брать. У меня баночка была хорошая, кто-то украл; Оставить масла маленько ись. Ф чашечку положу, остальное растоплю; Криночкима сметану квасили раньше. Плохо, она быстро прокисат; Молоко ставили в кринушечки, оно сделается со сметаной; Опъять мою визиточку накидат! Где же посудки-то у нас? Чистую же надо чашку-то; Давно уж не была в ямке (овощной), чё там деется?*

Естественно употребление подобных форм при назывании чего-либо вкусного, красивого и т. п.: *Вчера селедоцьку брала, рыбинку. Дайца (давеча) по звёнышку съели, ак пьётся; Сё (всё) равно: бражка ли, пиво ли; Ой, колбаску! Старая уж её глодать-то!; За этим кушаньем не будет ли пивца да по стопочке винца?*

Формы с уменьшительно-ласкательными суффиксами могут употребляться в различного рода сравнениях, как бы для подчеркивания того качества, по которому предметы сравниваются: *Клюква почти как на моху растет. У ё (неё) тоненьки таки ниточки; А так бы вот сливок-от бежал, а то по ниточке. А ячень да овёс травой завязывают. Скрутят, как верёвочку, траву; Творог надо привезать (к больному месту). Он иссохнет — как губочка. Жара, дак он сохнет.*

В ряде случаев употребление уменьшительно-ласкательных форм во фразе определяется тем, что одно из существительных выражает какие-либо эмоции — жалость, сострадание, ласку, а остальные существительные как бы «ассимилируются» ему. Например: *Гдей-йно чашечка или баночка? Надо налить молочко. Отъедайся, мальчик! Сиротка-сирота!* Здесь формы чашечка, баночка, молочко определяются, видимо, ласкательно-сострадательным значением слова сиротка.

Иногда употребление ласкательных форм определяется, как нам кажется, не семантикой самих этих существительных, а общей ситуацией, например, благожелательным или любовным отношением к тому, к кому обращена речь. Например, желая утешить обиженного, Анна Герасимовна говорит: *Такой врак вредной (об обидчике)! Айда, тебе в чашечку положу свою. Пускай он жорёт, промялся!* Выражая свою радость по

поводу прихода соседки, она говорит ей: *Я тебе творожок налёжу, со сметанкой, с сахарком — похлебай.* (Обращаясь к диалектологам): *Наливайте, черпывайте поварёночки!*

Можно сделать некоторые замечания об употребительности тех или иных уменьшительно-ласкательных форм в народной речи. Здесь прослеживается та же закономерность, что и в современном русском литературном, и в древнерусском языке: уменьшительно-ласкательные формы от существительных женского рода образуются в значительно большем количестве, чем от существительных мужского и среднего рода. В современном литературном языке это отмечал, например, В. В. Виноградов: «Категория женского рода является наиболее экспрессивной. В ней сосредоточено больше всего форм субъективной оценки»⁴. А. А. Дементьев подсчитал, что в словаре Ушакова слов женского рода с суффиксом -к- уменьшительно-ласкательного значения около 180, слов мужского рода — около 100, слов среднего рода — около 15. В древнерусском Словаре Срезневского, по его подсчетам, количественное соотношение примерно такое же: при основах женского рода — около 40, при основах мужского рода — около 30, при основах среднего рода — около 10.

В изучаемом говоре примерно половина всех зафиксированных форм с уменьшительно-ласкательным значением — существительные женского рода. За ними, в количественном отношении, следуют слова мужского рода. Значительно меньше слов среднего рода и совсем немного слов, употребляющихся только во множественном числе.

Уменьшительно-ласкательные существительные от слов женского рода образуются с помощью суффиксов -к(а), -очк(а), -ечк(а), -ушк(а), -ичк(а), -ычк(а).

Как и в русском литературном языке, наибольшей продуктивностью отличаются суффикс -к(а). Ср.: *коровка, свинка, травка, ранка, лопатка, сметанка, канавка, вичка, черёмушка, осинка, ягодка, погодка, газетка* и т. п.

Суффиксы -очк(а), -ечк(а) отмечены в таких словах: *марлечка, жердочка, нарточка, вершечка, курочка, кофточка.*

Кроме того, они выделяются, как нам кажется, в современном говоре в тех словах, где суффикс -к- присоединялся к основе, уже имевшей в своем составе суффикс -к-, утративший уменьшительно-ласкательное значение или вообще не имевший его (*кукушка + -к- кукушечка, похлёбка + -к- похлёбочка*). Следовательно, в этих словах суффикс -очк- образовался в результате слияния двух суффиксов. Ср.: *селёdochка, картошечка, тужурочка, стопочка, вьюшечка, лодочка, маечка, ложечка,*

баньчка, кружечка, тряпочка, топочка, дощечка, холочка и т. п. Суффикс -ушк(а) выделяется в немногих словах: *коровушка, сторонушка, марлюшка* и — в сочетании с другим суффиксом — в слове *кринушечка*. В слове *кадушка* он полностью утратил уменьшительно-ласкательное значение. Ср.: *кадушкой, катцей зовём. Кадушка большая, катца — маленькая. Делают-то кадушки из дерева.*

Суффиксы -ычк(а), -ичк(а) тоже образовались в результате слияния двух суффиксов -иц- и -к-. Он выделяется в словах *водичка, теличка, кашичка*. Поскольку слова *телица, водичка, кашичка* в говоре не употребляются, можно думать, что сейчас в этих словах выделяется не два, а один суффикс. (В отличие от слова *птичка*, которое явно осознаётся как образованное от слова *птица*).

Выделяемый в ряде слов русского литературного языка уменьшительно-ласкательный суффикс -иц(а) — ср.: *рожица, рошница, мушница, лужица, вещица* — в говоре совершенно не употребляется. Он вычленяется лишь в таких словах, как *воспица*, где им полностью утрачено эмоционально-оценочное значение. Ср.: *Воспичей лежала. Воспица унесла у её глаза-то, у бедной; Воспой, де, хворают ребята, воспицей.*

Таким образом, данные нашего говора ещё раз подтверждают мысль о том, что исконно русский суффикс -иц(а) давно, ещё в древнерусском языке, утрачивал свою продуктивность и вытеснялся суффиксом -к(а). А довольно значительное распространение уменьшительного суффикса -иц(а) в древнерусской письменности (в Словаре Срезневского таких форм 34, а форм с суффиксом -к(а) — 35) объясняется влиянием старославянского языка, где также был этот суффикс.

Уменьшительно-ласкательные существительные мужского рода оформляются суффиксами: -ок, -ек, -ик, -очек, -ко.

Наибольшее количество слов образовано с суффиксом -ок, -ек: *хлебок, зверёк, уголок, квасок, бастричóк, харюзóк, хмельёк, денёк, огонёк, соченёк, бочок, дурачок, каблучок, порозок, бережок, язычок, сахарок, творожок, пирожок, возок, холодок, ситичóк (ситчик).*

В ряде слов суффиксы -ок, -ек присоединяются к основе, уже имеющей суффикс с уменьшительным значением: *соченёчек, зверёчек, харюзочек, парничок (паренёк), домичек.*

В результате могут появиться суффиксы -очек, -ичек. Первый, кажется, выделяется в слове *червочек*: *Она гадит, мухато. И сразу червочки появятся.* (Форма *червок* не зафиксирована).

Суффикс -ик встречается в значительно меньшем количестве слов. Это *ротик, домик, мячик* и т. п.

Суффикс -к(о) отмечен лишь в одном слове — *сынко*: *Дорогой золотой сынко! Не пьёт.*

⁴ В. В. Виноградов. Русский язык. Учпедгиз, 1947, стр. 146.

В одном слове зафиксирован суффикс *-ушк(о)*: *А вот дружка у дружка учились, а помощь тоже вот от бабков была.*

И, наконец, в одном слове отмечен своеобразный суффикс *-афейк(о)*: *Стой, дурафейко! Дурак, отойди!*

Таким образом, наиболее регулярными суффиксами, образующими в говоре уменьшительно-ласкательные существительные мужского рода, являются *-ок*, *-ек*.

От слов среднего рода уменьшительно-ласкательные существительные образуются с помощью суффиксов: *-ышк(о)*, *-ушк(о)*, *-ишк(о)*, *-к(о)*, *-ик(о)*, *-чик(о)*, *-ц(о)*.

Наибольшим количеством примеров представлен суффикс *-ышк(о)*: *горлышко, кильшко* (от кило), *ведрышко, винышко, звёнышко, солнышко*. В последнем слове в говоре начинается утрата эмоционально-оценочного значения. Слово *солнышко* часто употребляется вместо слова *солнце* без каких-либо дополнительных оттенков в значении. Ср.: *Солнышка нет, ветра нет, не сушит. Стоит кака-то бурдомáга; Нескóлько не сушит. Вчера солнышко вылунилось, дак сгребли маленько; Стужа, жить нельзя! Враг какой-ко, не солнышка, нечѐ не выпускают!*

Суффиксы *-ушк(о)*, *-ишк(о)* зафиксированы соответственно в словах *сенушко* и *пальтишко*.

Суффикс *-к(о)* образует существительные *ушко, молочко, ведёрко*, а также слова *бревёшко, окошко, веретёшко*, где он присоединяется к видоизмененной основе. В словах *окошко* и *веретёшко* уменьшительно-ласкательное значение утрачено. Ср.: *Мокрец под окошком видала? В картови он тоже есь; Дома-то рубят из целых брёвен. А окошко только наметят, а потом выпилят эти места; Вот иди под окошко, я глядеть буду; Затыкать надо окошко, холодина; Я четыре веретёшка на пряла. Формы *окно, веретено*, особенно первая, употребляются реже, чем формы с суффиксами. В словах *бревёшко, ведёрко* тоже, видимо, идёт процесс лексикализации. Ср.: *Чѐ-ко поднимают бревёшки. Надо сперва поднять, потом строить; Два ведёрка малерованных молока, маленько поболе.**

С помощью суффиксов *-ик(о)*, *-чик(о)* образуются, соответственно, существительные *личико, плечико, ситчи́ко, корытчи́ко, копытчи́ко*. Суффикс *-ц(о)* отмечен два раза: в словах *пивцо* и *винцо*.

От слов, употребляющихся только во множественном числе, уменьшительно-ласкательные формы образуются с помощью суффиксов *-чик(и)* (*дверчки, помойчики*), *-ёшки* (*штанёшки*). Существительные *мостки, воротца* (суффиксы *-к* и *-ц*) утратили уменьшительно-ласкательное значение. Ср.: *Там всё моски наслато, брёвна; Запри там воротца, никуда не пойдѣшь! (воротца — «калитка в изгороди, а также дверь в различных хозяйственных постройках»).*

Л. А. Грузберг, Г. А. Ненахова

АРТЕЛЬЮ — НАРЕЧИЕ ИЛИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ?

(К вопросу об адвербиализации творительного падежа существительных)

В речи жителей Пермской области и г. Перми нередко можно услышать форму *артелью*:

Утре соберѣмся и пойдѣм все артилью (д. Сулемы Пермского района); *Когда артелью дом подымают, это и есь помочь* (д. Волеги Нытвенского района); *Артелью охотились, человек по пять-шесть* (с. Цидва Чердынского района); *И в лесу работали артелью, штоб полегше было* (д. Акчим Красновишерского района); *Вы дак все артелью занимались, а Гета вот не можот, одна готовится* (г. Пермь); *И артелью ездили прошлый год, и одна я ездила* (г. Пермь) и т. д.

Когда языковеды Пермского университета, составляя Полный словарь говора д. Акчим Красновишерского района, начали работать над словарной статьёй на слово *артель*, они, естественно, оказались перед необходимостью выяснить вопрос о том, какой частью речи следует считать форму *артелью* — наречием или существительным. Чтобы решить эту задачу, пришлось обратиться к детальному рассмотрению всех форм слова *артель* и всех его значений. Было обращено внимание и на производные слова.

Чаще всего в акчимском говоре словом *артель* обозначается промысловая артель, которая существовала в деревне с 1945 по 1960 гг. и занималась заготовкой леса. Всего в картолке акчимского словаря слово *артель* встретилось 163 раза, и из них 104 случая отражают именно такое значение. Ср.:

Была артель. После уже войны была артель, после колхозу; Колхоз отменили, потом тожно артель началась, тожно в леспромхоз передали; Артели не стало в 60-м году; При кол-

хозе ишо пекарню-то сделали свою. Нет, не при колхозе, при артели, ли чё ли; В артеле-то работают за деньги; Артель, промыслом занимались. Лесозаготовки, дёготь из берёзы гнали...; Вот тебе место, вот тебе выдел. Как хочешь, так и живи. Это до колхозов, до артелей было; Я в артеле работала да год в лесхозе; Попервости был колхоз, потом перевели на промышленную артель; Проверяли их в артеле-то и т. п.

Помнят акчимцы и другие артели — группы людей, объединявшихся для охоты или рыбной ловли. Ср.:

Наш свёкор хорошей охотник был. Наберёт артель человек шесь — аж за Урал ходили!; Раньше не было избушек (охотничьих). Делают дощатый балаган, если большая артель. Тёс, один конец на земле, другой — на жердь. Из этого балагана можно уходить на одну, две ночи; Охотились, артелями ходили, бригадами такими. Были такие хорошие охотники — молодёжь ходили просились к им; Свёкор рыбацил хорошо. Соберёт артель — боцьками плавил, торговке сдавали (рыбу); Лодок сем по двю соберётся артель, едут. Потом делят рыбу, продают.

Встретился в картотеке Акчимского словаря один пример, где словом артель названо объединение производственного характера, существовавшее в деревне в первые годы после революции, еще до создания колхоза:

Я был тогда председателем лесорубочной артели. Это в 21-м году было.

Записано в Акчима и словосочетание артель инвалидов: В Вишере (Красновишерске) есь артель инвалидов, дак тожо шьют башмаки.

Встретился интересный пример со словосочетанием с артели:

Вот зимой с артели кормим быка-то (т. е. не в одиночку, а объединив средства нескольких человек).

Говору известен и целый ряд производных слов этого корня: артельно, артельный, артельщик, артельский.

Наречие артельно означает «объединившись группой в несколько человек»:

Собирались несколько человек и шли артельно. Всю добычу делили поровну; Ну, артельно — это значит бригадой. Или много людей — называется артельно, людно; Коллектив целой, совместно, артельно; У них тоже семейной сепаратор. Семейно взято, артильно (т. е. сепаратор куплен и используется несколькими семьями, коллективно).

Артельщиком в Акчима называют человека, собравшего для выполнения какой-либо работы группу людей и возглавившего ее:

Раньше на охоту ходили — артель собирали. Уходят на несколько месяцев. Главный охотник — артельшишук; Артель-

щик — это старший по заготовке древесины; Он артельшишук, а они вот подчиняются ему; Артельщик — себе вот подобрал компанию, человек пять, шесь.

Слово артельский было зафиксировано в значении «принадлежащий к сельскохозяйственной артели, являющийся членом сельскохозяйственной артели»:

Ты думаешь: артельски тёмны люди?! Будут молчать?!

Слово артельный используется в акчимском говоре в двух значениях. Первое значение его связано со значением существительного артель: артельный — «принадлежащий артели». Ср.:

А конбаза это уж артельная была. Много лошадей, много стойлов там; Косили для артельных лошадей; Артельной сено возят на лошадях; Артельная была трава, он выкосил взял-да; Артельны-то дрова так и не сложено! (из выступления на собрании) и т. д.

Второе же значение этого слова уже отвлеклось от значения существительного артель. В Акчима артельным могут называть человека, дорожащего интересами коллектива, проявляющего заботу о других:

Человек артельный. Когда к ему придёшь, он обшиться с рабочими вместе; Артельный, обходится по-хорошему; Простой, просто себя держит, артельный; Это добрый, артельный человек; Артельный это опять... Он обходится по-хорошему, не скупится, помогает некоторым.

При обращении к форме творительного падежа слова артель прежде всего бросается в глаза то, что слово женского рода (ср.: была артель, организовалась артель, промышленная артель и т. п.) в творительном падеже единственного числа может иметь окончания, свойственные существительным мужского рода:

Штабель в ряда три катали. Теперь артелём работают, катают; Человека 3—4 подберутся и уезжают подальше от дома. Охотиться, рыбачить. Обратно вернутся, вот в разговоре и скажут: мы, мол, артелём работали; Всё делали артелью, артелём: то ли гребли, то ли рыбачили — всё артелём; Артелью или артелём — это одно и то же.

Как видим, форма артелём очень похожа на такие, как крутелём, бегом, верхом, кругом, босиком и т. п. Теперь слова крутелём, бегом, верхом, кругом, босиком являются наречиями. Образовались они из существительных, как бы застывших в форме творительного падежа.

О близости формы артелём к наречиям можно говорить на основании того, что форма артелём:

- 1) отвечает не на вопрос чем?, а на вопрос как?;
- 2) является в предложении не дополнением, а обстоятельством образа действия;

- 3) не допускает постановки перед собой согласованного определения (для акчимского говора совершенно невероятна фраза «работали дружным большим артелём»);
- 4) имеет «приглушенное» значение, свойственное существительному *артель*: *работать артелём* означает не только «при участии нескольких человек, являющихся членами артели», но и просто «коллективно, не в одиночку».

Слово *артель* в форме мужского рода не выступает ни в одном из падежей, кроме творительного. Это еще один довод в пользу признания *артелём* наречием, а не существительным, имеющим систему падежей.

Явление переходности частей речи в русском языке, в том числе факты перехода формы творительного падежа существительных в наречия, наблюдали и исследовали многие языковеды. Так, в Грамматике русского языка, изданной Академией наук СССР, отмечается: «Наиболее обширную группу составляют наречия, восходящие к формам творительного падежа единственного числа. Этот тип образования продуктивен. Творительный падеж имени существительного способен к переходу в наречие, т. е. ему свойственны качественные обстоятельственные оттенки наречий, указывающие на время, место, способ или образ действия»¹.

Переход существительных в творительном падеже в наречия имеет место и в настоящее время. В одних случаях мы можем наблюдать этот процесс уже завершившимся, «в других — происшедшим, выражаясь грубо, наполовину или на три четверти, в третьих, ...лишь в зачаточном состоянии»².

Онаречиванию существительных именно в форме творительного падежа способствует ряд факторов.

Творительный падеж допускает наряду с вопросом чем? вопрос как? А вопрос как?, по замечанию проф. А. А. Потебни, «заключает в себе верное указание грамматического свойства, именно то, что падеж, служащий ответом на него, в большей или меньшей степени теряет грубую реальность объекта и приближается к адвербиальному значению»³.

Академик А. А. Шахматов так определяет положение творительного падежа в ряду других падежей: «Дополнение в творительном падеже вообще, за немногим исключением, означает независимое от глагола представление, не объект, испытывающий на себе действие, влияние глагольного признака, а,

¹ «Грамматика русского языка», т. I. М., изд. АН СССР, 1960, стр. 618.

² См.: А. Б. Шапиро. Об образовании наречий в современном русском языке. «Русский язык в школе», 1947, № 1.

³ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. II. М., 1956, стр. 463.

напротив, представление, способствующее развитию этого признака, видоизменяющееся или определяющее его проявление: в этом существенное отличие творительного падежа от родительного, винительного и дательного»⁴. Эта особенность творительного падежа перекликается с одним из основных признаков наречия — обозначением признака действия.

«Употребление падежной и предложно-падежной конструкций в обстоятельственной функции (в функции обстоятельства образа действия) приводит к «заглушению» в этих конструкциях собственно предметного значения», — пишет А. Б. Шапиро⁵.

Таким образом, процесс онаречивания связан с утратой существительным конкретного предметного значения.

Вернемся к интересующей нас форме *артелью*.

Изучение жизни слова *артель* в акчимском говоре привело нас к предположению, что не только форму *артелём* можно рассматривать как наречие, но и форма *артелью* в этом говоре весьма близка к наречиям. Ср. примеры:

Пойдёмте, артелью-то столкнём его!; *Работаем артелью*; *Артелью рыбачат*; *На охоту издили человек по пять, артелью*; *Охотились артелью ходили. В одной избушке жили. Одному-то целовеку трудно всё время итти — вот попеременно. Идёшь-идёшь, устал — другой идёт впереди*; *Артелью-то, конечно, веселее*; *А вы суда всё артелью издите?* и т. д.

Как видно из примеров, при использовании слова *артель* в форме творительного падежа единственного числа нет ни одного случая, где бы речь шла о какой-либо конкретной артели, конкретном производственном или каком-либо другом определенном объединении — везде эта форма означает лишь то, что действие выполнено коллективно, сообща, т. е. форма *артелью* в значительной степени отвлеклась от соответствующего значения существительного *артель* и приблизилась к наречным формам.

В говоре д. Акчим форма *артелью*

- 1) отвечает на вопрос как?, каким образом?;
- 2) обозначает признак действия;
- 3) употребляется в обстоятельственной функции (в функции обстоятельства образа действия);
- 4) не имеет при себе согласованного определения;
- 5) имеет «приглушенное» значение существительного *артель*.

Все это приводит к переосмыслению падежного значения и приобретению нового, наречного значения.

⁴ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. АН СССР, 1925.

⁵ А. Б. Шапиро. Указ. соч. «Русский язык в школе», 1947, № 1.

Таким образом, намечается синонимический ряд *артельно* — *артелём* — *артелью*. По толкованию самих акчимцев, все эти слова означают одно и то же:

Артелью, де, работать надо. Много соберутся. Артелью ли, артельно ли, всё равно; Артелью или артелём — это одно и то же; Рыбачить уежжают лодок 10, артельно. Артелём тожо можно назвать. Работали артелём. Но мы чаще говорим артельно.

Если учесть еще, что в говоре есть синонимичное этим словам сочетание *с артели*, то можно предположить, что говор находится как бы в процессе поиска, выбора единой формы, производной от слова *артель* и имеющей значение «коллективно, сообща». Показательно в этом плане, что из четырех синонимичных форм чаще других употребляется форма *артелью*. Далее идет *артелём*, затем — *артельно* и, наконец, *с артели* (в процентном выражении их соотношение выглядит так: 46,5% : 30% : 20% : 3,5%).

Хотя наличие в акчимском говоре самых различных падежных форм слова *артель* и не может служить препятствием для отнесения формы творительного падежа единственного числа этого существительного к наречным (существительное *весна*, например, в русском языке употребляется также во всех падежных формах, но *весной* всеми признается наречием), однако в какой-то степени в языковом сознании носителей говора форма творительного падежа еще связывается со всеми остальными падежными формами этого существительного. Об этом свидетельствуют примеры типа: *Собирали вот артель, да и ловили рыбу артельно-ту*. Или: *Всей артельно косили там*.

Поэтому форму *артелью*, по нашему мнению, следует включить в словарную статью на слово *артель*, особо выделив значение творительного единственного, указав, что форма *артелью* употребляется в роли наречия и означает то же, что *артельно*, т. е. «объединившись группой в несколько человек». Форму же *артелём*, нам кажется, есть основания считать наречием и подавать отдельной словарной статьей.

Е. Н. Полякова

СЛОВО СОГРА В ПЕРМСКИХ¹ ПАМЯТНИКАХ XVII ВЕКА И В СОВРЕМЕННЫХ ГОВОРАХ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ

В изучении живого слова, в исследовании того или иного говора большую роль играют не только сведения, полученные диалектологами в настоящее время или в течение последних десятилетий, но и все исторические материалы, раскрывающие особенности говора на разных этапах его развития. Рукописные памятники: частные письма, акты о разделе имущества, допросные сказки и т. д. — даже при наличии штампов, характерных для деловых документов, донесли до нас из глубины веков многие элементы живого разговорного языка, особенно в области лексики. Несмотря на неоднородность материала, сопоставление данных современных говоров со сведениями, почерпнутыми из памятников XVII—XVIII вв. — эпохи становления национального русского языка, помогает разобраться и в сложных закономерностях развития говоров, и в некоторых его деталях, и в судьбе отдельных слов².

В центральных и периферийных архивах нашей страны хранится большое количество документов XVII в., написанных на территории Западного Урала, — соликамских, чердынских, осинских, кунгурских и др., т. е. пермских в широком смысле слова. Они содержат интереснейший лексический материал, но пока еще очень мало изучены: по существу, иссле-

¹ «Пермскими» мы называем памятники русской письменности, записанные на территории современной Пермской области, и русские говоры этой территории.

² См.: А. И. Елизаровский. Лексика беломорских актов XVI—XVII веков. Архангельск, 1958; С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963; В. А. Магин. Очерк черкасского говора по историческим и современным данным. Таганрог, 1960 и др.

дованию частично подвергалась лишь лексика соликамских документов этого периода³.

Одновременное изучение словаря памятников и современных говоров необходимо и для исследования лексики периода образования пермских диалектов, так как нередко даже чтение пермских документов вызывает затруднение. В памятниках встречаются слова, которые и в XVII в., и сейчас являются диалектными, к тому же в разных говорах имеют различные значения (ср. *веретия, лывина, падун, ржавец, согра* и др.). Чтобы установить значение таких слов, иногда недостаточно материала самой рукописи или связанных с ней документов, недостаточно и данных словарей. Только изучение подобной лексики на основе имеющихся рукописных материалов и данных современных говоров того же края позволяет более или менее точно установить значение слов в памятниках, а также проследить некоторые процессы, происходящие в определенной части диалектной лексики.

Так, при чтении западноуральских рукописей и некоторых опубликованных памятников XVII в. возникает затруднение в истолковании слова *согра*. В одних случаях этим термином называют урочище, связанное, по-видимому, с болотом, с низиной:

«Дана та земля брату ево Яковлеву Василью вместе з гостем Аверкием Кириловым да с Ываном Соколовым да с Федотом Суровцовым по Усолке-реке на левой стороне болота и *согра* (здесь и далее курсив наш.—Е. П.) подле мельнишной пруд» (ККМ⁴—№ 2, 4); «А от речки Зырянки и от троюгранные ели (межи.—Е. П.) через *согру* впрям до монастырсково скотинново выгону... до веретен и до зимней дороги» (Ш.—III—1038)⁵.

В других случаях *согра* связана с возвышенностью:

«А межа тех деревень... до Молебного врагу а от Молебного врагу от Шаквы-речки в гору на *согру* прямо да на ельник малой» (Ш.—III—299).

Подобные отрывки из документов XVII в. не дают возможности установить точное значение слова *согра*. Однако можно предполагать, что уже в XVII в. в памятниках, написанных в разных местах, оно имело разные значения.

Словари и исследования, в которых встречается слово *согра*, свидетельствуют о том, что оно не принадлежит и никогда

³ Ср.: А. А. Горбунова. Из наблюдений над бытовой лексикой рукописных деловых памятников XVII века. В кн. «Вопросы русского языка и методики его преподавания». Уч. зап. Пермского пед. ин-та, вып. 34. Пермь, 1966, стр. 49.

⁴ См. список условных сокращений.

⁵ Здесь и далее обозначаем буквой автора и название работы (см. список условных сокращений), римской цифрой — номер тома, арабской — номер страницы.

не принадлежало литературному языку. *Согра* не отмечается в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (М., 1958), в «Словаре Академии Российской» (СПб., 1789—1794), в «Словаре церковнославянского и русского языка» (СПб., 1867—1868), в «Толковом словаре русского языка» (М., 1935—1941). В «Словаре современного русского литературного языка» оно помещено как областное⁶.

Изучаемое слово бытует в северновеликорусских говорах, о чем свидетельствуют словари и данные топонимики.

Имя собственное *Согра* распространено на севере Европейской части СССР, а также в Сибири. Ср.: д. *Согра* на реке Пинеге (Архангельская область)⁷, д. *Согра* в Кунгурском районе (Пермская область)⁸, выселок *Согрин* (он же — *Сокрыта*) в бывшем Кунгурском уезде⁹, д. *Согра* в бывшем Верхотурском уезде¹⁰, д. *Согрышевская* около бывшей Невьянской слободы¹¹ и т. д.

Известно это слово и в говорах языка коми¹².

Диалектные, терминологические словари и различные исследования по лексике фиксируют целый ряд значений слова *согра*.

Отмечается, что это низменное место под горой или на берегу реки (*Палагина* — III — 151); низина эта может быть сырой (*Маляревский* — 28), заболоченной (Словарь современного русского литературного языка — XIV — 119). В ряде случаев словари подчеркивают, что это болото с травами, мхами, кочками (*Вереха* — 481, *Даль* — IV — 258, *Маляревский* — 28, *Мельхеев* — 89, *Палагина* — III — 151, *Патканов* — 510, *Старцева* — 68), либо высокогорное болото (*Мурзаевы* — 205).

Не менее часто словари указывают на то, что *согра* — заболоченное место, покрытое кустарником (*Даль* — IV — 258) или лесом, чаще еловым, редким и невзрачным (*Даль* — IV — 258, *Куликовский* — 110) или, наоборот, густым, непроходимым (*Беляева* — 122, *Вереха* — 481, *Елизаровский* — 221, *Палагина* — III — 151, *Подвысоцкий* — 160).

Согрой называют и лес на болоте (*Лыткин* — 177, *Пришвин* — II — 740, Словарь современного русского литератур-

⁶ «Словарь современного русского литературного языка», т. 14. М.—Л., 1948—1965, стр. 119.

⁷ «Атлас СССР». М., 1954.

⁸ «Пермская область. Административно-территориальное деление». Пермь, 1963, стр. 224.

⁹ «Список населенных мест Пермской губернии. Кунгурский уезд». Пермь, 1909, стр. 52.

¹⁰ «Список населенных мест Пермской губернии». Пермь, 1904, стр. 12.

¹¹ Ш. — IV — 644, 645.

¹² См. «Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов». Сыктывкар, 1961, стр. 344; В. И. Лыткин. Коми-язывский диалект. М., 1961, стр. 177.

ного языка — XIV—119) или вообще густой лес (*Устюг*—446), частый лес с валежником (*Ш — V*—401), сосновый лес (*Старцева* — 68). Н. П. Вереха отмечает, что в Сибири так называют остров с берёзовым лесом среди степи (481).

Наконец, в некоторых говорах *согрой* называют лесистую возвышенность (*Даль* — IV — 258, *Палагина* — IV — 151).

Нередко словари фиксируют несколько значений слова *согра* в говорах одного края (*Палагина* — III — 151, *Патканов* — 510).

Жители различных районов Пермской области в настоящее время также по-разному толкуют этот термин. *Согра* — и лес, в основном еловый, на болоте (Верх-Язьва), причем болото здесь — не топкая, а лишь сырая местность с мягкой, увлажненной почвой, покрытой мхом. *Согра* — и низкий берег, покрытый травой, кустарником, ивой (Ординский район). В Куединском районе *согра* — березовая роща в сырой, низменной местности. В различных деревнях Ильинского района так называют либо заливной луг, либо небольшую возвышенность («горушку», по утверждению местных жителей), покрытую травой¹³. В соликамских говорах «термином *согра* обозначается труднопроходимая, сырая местность, поросшая густым лесом, кустарником»¹⁴.

Во многих деревнях Пермской области слово *согра* известно только жителям старшего поколения. Это отмечалось нами в 1968 году при обследовании расположенных на небольшом расстоянии друг от друга деревень Осинского района: Пещерка, Верх-Пещерка, Ирьяк, Мостовая. *Согрой* здесь называли низкий, пойменный берег р. Тулвы, затопленный в настоящее время в связи с созданием Воткинского водохранилища:

Сóгра есть, Тóлвой затопило. Трава там была, смородины много было, клубеники было много (д. Мостовая); *Сóгра была покос, у Тóлвы, недалекó здéсь, низкое место* (д. Мостовая); *Место такое низкое у Тóлвы — сóгры, раньше городьбы были, лужайка* (д. Ирьяк); *Сóгра у Тóлвы была, по ягоды ходили, косили там* (д. Пещеры).

В этих же деревнях *согрой* называют и сырые, непроходимые места по берегам маленьких речек, логов:

Сóгра по Ирьяку (речка.— Е.П.), *ольховник, выше Ирьяку* (деревня.— Е. П.) *мóкро место, раньше непроходимо было, ходить было нельзя, зыбун был, а теперь всё обсохло* (д. Ирьяк); *Сóгра в лесу, стало быть, лог крутой такой,*

¹³ Сведения получены от студентов Пермского университета, проживавших ранее в этих районах.

¹⁴ О. П. Беляева. Из наблюдений над местными географическими терминами. «Вопросы русского языка и методики его преподавания». Уч. зап. Пермского пед. ин-та, вып. 34. Пермь, 1966, стр. 112.

мóкро там (д. Верх-Пещерка); *От угóрышка началáсь сóгра — два ложкá: маленькой ложкó да большой ложкó* (д. Мостовая).

Во всех обследованных нами говорах деревень Осинского района *согрой* называют или называли сырые заболоченные или заливаемые весной места. Но сохранили это слово, и то, по-видимому, лишь в пассивном словаре, представители старшего поколения — люди 60—80 лет, которые помнят ещё окрестности своих деревень до того, как были вырублены леса, осушены и распаханы многие угодья.

Жители густонаселённых районов Пермской области, хотя и связывают слово *согра* с определенными урочищами возле своего населённого пункта, не воспринимают его как имя собственное (кроме названий населённых пунктов). Это результат того, что жители той или иной деревни хорошо знают не только угодья возле своего населённого пункта, но и угодья около других сел и деревень. Им известно, что и в других местах есть *согра*.

Иная картина наблюдается на севере области, особенно в тех населённых пунктах, которые находятся на значительном расстоянии даже от самых близких к ним сел и деревень. Так, для жителей д. Акчима Красновишерского района *согра* — название определенного лога и речки, протекающей по нему:

Речка Сóгра первая бежит. Вытекат с левой стороны в Вóлим (река.— Е.П.). *Она километра четыре по Волиму вверх от Акчима; Сóгра — мáленька такá речушечка. Сейчас она плохо бежит, чуть-чуть только так; Мы за Сóгрой ходили. Такая малюсенька речушка есь Сóгра там сýстари веков; Первый ложок, он на Вóлим — на речку вытекат, второй ложок. Потом ишо Сóгра лог тоже назывáтца; Там опять Согра назывáтца. Тоже такой же ложок, тоже бежит в Вóлим.*

Местность около этого лога и речки, текущей по нему, для акчимцев — тоже *согра*, но сами они связывают название местности с названием речки:

Им в-за Сóгры (идти). *Так речка названо; Сóгра, примерно, здесь есть — название местности. Там ручейк течёт — весной речка, это место называется Сóгра; Ричка, дак называем Сóгра: в Сóгре де косили.*

И только один из представителей старшего поколения жителей д. Акчима отмечает *согру* как сырую местность, не связывая значение слова с рекой:

Согра, сыро дак; реденько куница попадёт.

Обращает на себя внимание тот факт, что при отсутствии единого значения слова *согра* в пермских говорах можно отметить нечто общее в различных угодьях, называемых этим словом: обычно это местность сырая, заливаемая либо постоянно, либо в определенное время года, либо сырая в про-

шлом, до вырубки лесов. Но растительность и рельеф угодий, называемых этим словом, различны, и в конце концов, в каждом отдельном случае основную роль играет не общий признак, а именно специфические особенности угодий.

В памятниках XVII в., отражающих некоторые особенности складывающихся пермских говоров этого периода¹⁵, слово *согра* встречается редко. Оно зафиксировано в соликамских и кунгурских документах, а также в документах Строгановых, описывающих земли по рекам Яйве, Очеру, Обве. В памятниках *согра* обычно употребляется как имя нарицательное. Так, в грамоте 1629 г. *согры* упоминаются наряду с болотами, озерами, истоками — в предложении все эти слова играют роль однородных членов:

«Межи... с виловатой ели прямо подле поскотинной огород и до Подвального озера и через Подвальное озеро и через болота и через *согры* и через истоки и до материка» (Ш.— II — 322); «Межи... с сухие ели через болота и через *согры* и через озера прямо и до черного лесу ельнику и до материка» (Ш.— II — 321); «От его же межи... прямо до чёрного лесу ельнику через болота и через *согры* и через озёра и через истоки и до материка» (Ш.— II — 321).

Показательно в данном случае и употребление этого термина во множественном числе.

В том же памятнике один из отрывков дает возможность предполагать, что рядом с нарицательным *согра* употреблено относящееся к нему имя собственное Чёрный лес:

«А межи тому Лаптеву лугу верхнему концу *согра* Черной лес а позаде Лаптева луга озеро Лаптевское» (Ш.— II — 297).

Хотя по документам XVII в. довольно трудно установить точное значение слова *согра* в каждом отдельном случае, некоторые замечания по этому поводу на основе косвенных данных сделать возможно.

Чаще всего этот термин отмечается в Соликамских памятниках. В некоторых документах рядом с *согрой* и, по-видимому, как нечто отличное упоминается *веретия* — «плоский широкий холм» (Ш.— V — 396). «По Каме меженный речной берег, особ. крутой, место, до которого доходит разлив: гряда, всегда сухая, вдоль поймы» (Даль — I — 180). Ср. также определение *веретии* О. П. Беляевой: «Место, возвышающееся над окрестностями... Наименованием веретия пользуются лишь по отношению к сухому, возвышенному участку среди болота или около реки»¹⁶.

¹⁵ Были исследованы рукописи, хранящиеся в Государственном архиве Пермской области, в Пермском и Кунгурском краеведческих музеях, а также документы, опубликованные в «Пермской летописи» В. Ш и ш о н к о (II—V периоды. Пермь, 1882—1887).

¹⁶ О. П. Беляева. Указ. соч., стр. 109.

Согра в этих случаях — место более низменное по сравнению с *веретией*.

«А от речки Зырянки и от троегранные ели через *согру* впрям до веретии и до зимней дороги межа монастыря» (Ш.— III — 1044);

«Межа монастыря от троегранные ели через *согру* до монастырского скотного выгону до веретий» (Ш.— III — 1034).

Во всех этих случаях *согра* связана с рекой, расположена по берегу реки, видимо, низкому. Ср.:

«С конец веретии вверх по Чашкину истоку по меже — *согрой* прямо к березовой веретии на увал 500 сажен» (Ш.— III — 1034); «Речкою Лысвою вверх до Лысвенских розсох и до Верх-Лысьвы *согрой* по Сирье к русской дороге» (Ш.— IV — 343).

В то же время это не топь, не покрытая водой местность, если предположить, что отмеченная в ряде случаев рядом с *согрой* *лывина* — «лужа, мочежина, полый от дождя, от разлива родников» (Даль — II — 275)¹⁷.

«У той же межи у третьей признаки у розсоховатя сосны на край той же веретей у *согры* по конец лывины камень же положен под межевым столбом да через лывину по край другие веретей подле монастырской же скотной выгон камень же положен» (Ш.— III — 1034).

Таким образом, можно предположить, что в некоторых соликамских документах XVII в. *согрой* называют низкий, пойменный берег реки, но не наносный, а основной — ср. употребление рядом слова *присадка* («нанос к одному берегу песку» — Даль — III — 440, «наносные отложения на берегах рек...» — Мурзаевы — 182):

«А что под тою поляною присадка косят на ней сено и та присадка Ивану ж и до *согры*» (Ш.— II — 294).

В других соликамских памятниках XVII в. упоминается *согра*, расположенная на водоразделе, т. е., по-видимому, так могли называть и возвышенное место:

«А с Верх-Сырьи речки от русския дороги *согрой* к Лысверечке по левую сторону бугра по старой меже» (Ш.— III — 1020).

В немногочисленных примерах из кунгурских документов XVII в. слово *согра* тоже имеет несколько значений. Так называли, видимо, и берег речки в лесу, и возвышенное место:

«А с тое грани прямо по увалу на Усть-Ядышева лугу в *согре* берёза» (Ш.— IV — 41), но «в гору на *согру* прямо да на ельник малой» (Ш.— III — 299).

¹⁷ Ср. также: «Для обозначения сырых, неспросыхающих мест в лесу, на лугу носители пермских говоров пользуются словом *лыва*» (Беляева — 115).

Характер растительности в *согре* в каждом отдельном случае по памятникам определить невозможно. По всей вероятности, в разных местах она была различной. Документ, в котором упоминается *согра* — Чёрный лес, дает право предполагать, что это действительно был лес, судя по приведенным выше примерам (стр. 90), — еловый. В других местах растительность в *согре* была иной — выделялись отдельные деревья.

«На Усть-Ядышева логу в *согре* берёза на ней грань» (Ш. — IV — 41).

Нередко можно отметить, что деревья той или иной породы находятся около *согры*, но не в ней:

«Межа с вязу через пожню паберегу на ольховый куст а с куста прямо на осинник и до *согры*» (Ш. — II — 319);

«А с нижнюю сторону по осине и *согре* прямо пожня вверх по Ботюхе-речке с новоросчистью» (Ш. — V — 608); «В гору на *согру* прямо да на ельник малой» (Ш. — III — 299).

Наряду с *согрой* в одной из соликамских грамот (№ 4) 1699 г., хранящихся в государственном архиве Пермской области, упоминается *согратное* и *согретное* место:

«И как к тебе ся память придет и ты б тем *согретным* пустым местом по межам как в челобитье написано велел владеть»;

«Есть де порозжая земля *согратное* и болотное место у Соли Камской в уезде против Городища за Усолкою-рекою».

Ни в каких словарях и исследованиях, использованных нами, подобных словосочетаний нет. Производные слова от *согра* отмечены только В. И. Далем (*согровый* — IV — 258) и В. В. Палагиной (*согроватый*, *согристый* — III — 152).

Терминологические сочетания со словом *место* в значении «участок земли, угодье» часты в деловых документах XVII в.¹⁸ В западноуральских памятниках постоянно упоминаются *рассольное место*, *варничное место*, *кошебное место*, *поскотинное место*, *пашенное место*, *гуменное место*, *мельничное место*, *домовое место*, *мокрое место*, *подморинное место* и др.¹⁹ Одни и те же места в памятниках называют *наволоком* и *наволочным местом*, *поскотинной* и *поскотинным местом* и т. д. Можно предположить, что *согра* и *согратное* (*согретное*) место также тождественны. В таком случае текст соликамской грамоты 1699 г. дополняет сведения о *согре*:

«И на то де *согратное* и болотное место ныне и в прежних годах годов за восемьдесят и больши дед и отец его выпускали и он летним временем также выпускает конской и рогатой скот»; «И великий государь пожаловал бы их велел

¹⁸ Ср.: Л. А. Ивашко. О значениях слова место в севернорусских говорах. «Из истории слов и словарей». Л., 1963, стр. 48.

¹⁹ Ш. — III—IV.

тем вышеписанным *согретным* и болотным местом владеть им и выпускать животинной скот конской и рогатой по-прежнему».

Поскольку в *согретном месте* пасли крупный скот, оно, видимо, не было таким топким и труднопроходимым, как отмечают исследователи современных соликамских говоров.

Итак, в пермских говорах XVII в., как и в современных, слово *согра* могло иметь различные значения. Но и тогда, вероятно, существовал какой-то общий дифференциальный признак, который был характерен для термина во всех говорах, это — «большая сырость, увлажненность почвы в угодье». Все остальные признаки характеризуемого предмета (рельеф, растительность) могли быть разными.

Жизнь слова сложна и в каждом отдельном говоре, и тем более на такой обширной территории, как область распространения пермских говоров. Это хорошо видно на примере исследуемого слова. В одних случаях оно переходит в имя собственное, в других — можно проследить процесс его исчезновения. В некоторых населенных пунктах Пермской области слова *согра* не знают вообще, хотя можно предполагать, что оно было известно там в прошлом. Его толкование местными жителями зависит часто не от общего признака, а от каких-либо второстепенных особенностей угодья, ставших для местного населения основными. Это, в конце концов, и привело к появлению у термина *согра* в пермских говорах нескольких лексико-семантических вариантов.

Список условных сокращений

Беляева — О. П. Беляева. Из наблюдений над местными географическими терминами. «Вопросы русского языка и методики его преподавания». Уч. зап. Пермского пед. ин-та, вып. 34. Пермь, 1966.

Вереха — П. Н. Вереха. Опыт лесоводственного терминологического словаря. СПб., 1898.

Даль — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I—IV, М., 1955.

Елизаровский — И. А. Елизаровский. Лексика беломорских актов XVI—XVII веков. Архангельск, 1958.

ККМ — Кунгурский краеведческий музей.

Куликовский — Г. Куликовский. Словарь областного оленецкого наречия. СПб., 1898.

Лыткин — В. И. Лыткин. Коми-язьвинский диалект. М., 1961.

Маляревский — Г. Я. Маляревский. Особенности говоров крестьян-старожилов Тобольской губернии. «Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. XXVIII. Тобольск, 1917.

Мельхеев — М. Н. Мельхеев. Местные географические термины Восточной Сибири. Труды Иркутского ун-та, т. 24, вып. 1. Иркутск, 1958.

Мурзаевы — Э. и В. Мурзаевы. Словарь местных географических терминов. М., 1959.

Палагина — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, под ред. В. В. Палагиной, т. 3. Томск, 1967.

Патканов — С. К. Патканов, Ф. К. Зобнин. Список тобольских слов и выражений. «Живая старина», вып. IV, 1899.

Пришвин — М. М. Пришвин. Северный лес, Собрание сочинений, т. II. М., 1956.

Устюг — Краткое некоторых речей, в устье Великом и протчих окрестных городех от тамошних обывателей употребляемых, собрание по алфавиту, по записи 1757 года. «Живая старина», вып. IV, 1898.

Ш. — В. В. Шишонко. Пермская летопись, II—V периоды. Пермь, 1882—1887.

А. А. Мошова

НЕ ТОЛЬКО БИТОН

(О словах с глухими согласными на месте звонких в сильной позиции)

Привычное, всем известное слово, называющее простой и необходимый в повседневном быту предмет, — *бидон*. Но часто ли мы слышим произношение этого слова со звонким согласным *д*? Дома, в молочных магазинах, на рынках деревенские и городские, как правило, говорят: *трехлитровый битон молока, эмалированный битончик* и т. д.

На Вишере студенты-филологи записали недавно:

Мы с ребятами прийдём, возьмём битоны. Если много морошки, наберём полные битоны; Битончик у меня вот на три литра, а есь на два. Когда много ягод, поставлю битончик, собираю обеими руками; Сёдни девки за земленикой ушли. Поди, принесут с битон-от (А)¹;

Какой баской у вас битончик! Красинький, а ягодки опять белые (В).

На месте звонкого *д* перед гласными (т. е. в сильной позиции) звучит глухой *т*.

Не только в Пермской области допускается погрешность в произношении слова *бидон*; очевидно, это явление общерусское. Корней Чуковский в книге «Живой как жизнь» («Молодая гвардия», 1962, стр. 165) пишет:

нельзя говорить

битон

надо говорить

бидон

О борьбе с этим нарушением орфоэпической нормы свидетельствуют специальные справочники и пособия по культуре речи. Так, во всех изданиях словаря-справочника под редак-

¹ См. условные обозначения в конце статьи.

цией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова «Русское литературное произношение и ударение» подчеркивается: *Бидон* (не *битон*). В местной печати тоже указывается на неправильность произношения *битон*. И. А. Малафеев и Ф. Л. Скитова, например, в «Кратком перечне слов, в произношении которых иногда допускают ошибки», приложенном к книге «Культура речи» (Пермь, 1957, стр. 54), рекомендуют: *Бидон* (не *битон*). Тем не менее, в повседневной речи преобладает, как показывают наши наблюдения, произношение *битон*.

Не тот ли это случай, когда запреты не помогают? Вот что пишет о подобных явлениях Р. Р. Гельгардт: «Литературно-языковая норма сталкивается с живой речевой стихией. Мы имеем в виду непринужденную разговорно-бытовую диалогическую речь, состоящую из реплик, зависящую от условий, в которых протекает речевой акт, и допускающую значительные отклонения от общепринятых норм вследствие свойственного ей импульсивного характера. Поэтому и попытки ввести этот вид речи в четкие пределы произносительных и грамматических канонов могут оказаться не очень продуктивными. Отчасти это объясняется тем, что именно здесь нередко проявляются живые тенденции языковых изменений, которые было бы ошибочно и бесполезно искоренять». (См. «Вопросы культуры речи», вып. 3. М., изд. АН СССР, 1961, стр. 36—37).

Трудно предвидеть, какой вариант слова *бидон* останется в русском языке, не менее трудно объяснить и причины возникновения данной аномалии; выяснение этого может послужить предметом специального исследования².

Для лингвистической науки интересны не только те явления и процессы, которые затрагивают глубинные, существенные стороны языка, но и такие, которые представляются второстепенными, периферийными. «Языкознание имеет целью как можно более глубокое проникновение во все реальное многообразие, во все фактические извивы и непоследовательности естественного человеческого языка», — пишет О. С. Ахманова³.

В русских говорах Пермской области, чаще — в архаическом их слое, наблюдается в некоторых словах оглушение звонких согласных звуков перед гласными и сонорными согласными. На это явление, объясняя его действием закона аналогии, указывал еще А. М. Селищев, исследовавший материалы говоров Сибири, Пермской и некоторых других губерний⁴.

² На актуальность изучения описываемого явления обратил наше внимание сотрудник Института русского языка АН СССР Е. Л. Гинзбург.

³ О. С. Ахманова. Очередные проблемы языкознания. «Русский язык в школе», 1969, № 3, стр. 6.

⁴ А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921, стр. 228.

Личные наблюдения автора данной заметки, полевые записи разговорной речи, материалы картотеки Акчимского словаря дают примеры произношения следующих глухих на месте соответствующих звонких в сильной позиции: *т, к, п, ш*, иногда *с* и *ф*, на месте *д, г, б, ж, з, в*.

Произношение *т* на месте соответствующего литературной норме *д* отмечено в некоторых формах следующих слов и производных от этих слов: *лодка, будка, сладко, садко* (ср. разговорн. *саднит*), *исподка, желудок, редька, тетрадка, тетрадь, под, фонд, инвалид, фундамент, сода, передрыга, бидон*, — а также в некоторых собственных именах.

Рассмотрим каждый из этих случаев. В целом ряде говоров Пермской области можно услышать *лото́к*, а не *лодо́к*. *С т* на месте *д* произносятся некоторые производные от слова *лодка*. Ср.:

Нынче, знаешь, эте лодки моторны-те. Много лоток! У промкомбината прицепляют. Вы сами удивитесь, сколько их стоит, сколь их, лоток! Прикозывают отдельно, единолично у каждого своя лодка (Ил); Сичас моторны лодки-те. Раньше моторных-то лоток не было. Паруса подыньшь, паросину-ту, шитик-от летит; Для рыбацтва Ондрий сам сколь лоток делал. Одна золезна вове́сь лоточка была у его небольшая; Вихтор лодку делат, мотор хочёт купить лотошной. (Внучка-семиклассница делает замечание: «Ты неправильно, баушка, говоришь. Скажи: лодьчный!»); Подлотошны бродяги, шармачи бездомныё. Худой человек, он шлятся везде, под лодкой спит — он подлотошник и есь; Подлотошник! Забрался в готовы-те хоромы да и живёт! (О зяте.— В).

Отчего же стали говорить так? Почему *т* вытеснило *д*? Обратимся к падежным формам имени существительного *лодка*.

Ед. число	Мн. число
И. лотка	— лотки
Р. лотки	— лодок
Д. лотке	— лоткам
В. лотку	— лотки
Т. лоткой	— лотками
П. (о) лотке	— (о) лотках

Как видно, из 12 форм только в одной, род. п. мн. ч., сохраняется этимологическое *д*, а в 11 звучит *т*. Очевидно, по аналогии с этими 11 формами появляется *т* и в форме род. п. мн. ч. Соответственно уже не с *д*, а с глухим *т* стали звучать и производные слова: *лоточка, лотошной, подлотошной, подлотошник*.

По той же причине говорят *Буток*, вместо *будок*, *буточка* и т. д.

За Вётлянской казарма, у Быков будка, путеобходчик живёт тут под Офонаятами. (Вопрос: «А дальше по Нытвенской ветке еще будки есть? Сколько их? Много?») *Сколь много-то? Не больше двух. Сколь их, буток, всего на ветке, не знаю. Вот под Быками-те да у Марчугов ли де ли ишо, у Марчугов, ромно (В); Овтобус в шесть уходит ровно? Там есь буточка, затти-то от дожджа можно. Буточка така небольшая, бочки да чё лежат. Станция-то где, дак двухэтажной дом-от; Долго, картов-та замерзнёт. Изба бы была, кака бутоцька (А).*

Подобное явление наблюдается не только в пермских говорах. Оно отмечалось и в других местах России. Так, в «Опыте словаря неправильностей в русской разговорной речи (преимущественно в Южной России)» В. Долопчева приводится: «будочник — *бутошник* в произношении»⁵.

Как в пермских говорах, так и в городском просторечии с согласным *т* произносится имя прилагательное *сладенький*.

С л а т и н ь к а бражка, без хмелю, не бойся, пей! (В); Земленичи столько было! Ведрыма брали. Костенница — тожо ись можно, тожо слатенька (А).

Имя существительное *сладость* горожанами произносится обычно соответственно литературной норме, а носителями диалектной речи, как правило, с глухим звуком.

Не надо слатостей давать много ребёнку — зубы болить станут (В).

Есть у нас в говорах не только слова *сáтко*, *саткóй*, с общерусским изменением *д* в *т*, но и *сáтость*, утратившее звонкость этимологического *д*, при наличии этого *д* в однокоренном глаголе *сáдиет* (3-е лицо, ед. ч., наст. время).

Туту вот сатко всё, шибко изувичила руку-ту. Такая сатось! (В).

Отмечается также произношение *т* в форме род. п. мн. ч. слова *испóтки* (варежки) и некоторых производных от него.

Испоток вязаных много носили, под рукавицы под низ поддевали (Кр); Маленьки испоточки внучке свезала; У мя испотки износилися, испоток нет; Рукавицы коженныё, без испоток их не носили, испотки поддевали под низ-от; Шубницы, те — уж без испоток тепло в их, из овчин дак. Летом опять холстянки шили (В).

Семантика имени существительного *исподка* подсказывает написание в нем *д*, а не *т* и дает основание видеть в этом слове в качестве этимологического элемента морфему *-под-*.

Не только в формах косвенных падежей или в производ-

ных словах, но и в исходной форме наблюдается иногда «оглушение» звонкого согласного перед гласным звуком. Таково слово *желудок*. При склонении этого имени существительного звонкий *д* выступает только в им.—вин. падежах ед. ч., во всех же остальных падежных формах ед. и мн. ч. произносится *т* перед глухим *к*. Масса форм с глухим звуком подавляет в разговорной речи единственную форму со звонким согласным *д*.

Я всё смолода мучуся — жолуток у меня болит; У меня чё-то жолуток заболел, по-нашому-то брюхо; Я нездорова: у миня жолуток больной. Земленича-та от желутка — это само перво лекарство (А).

Заменяется глухим не только твердый, но также и мягкий согласный *д*, например, в словах *редька* и *тетрадь*.

Редьку сажу токо круг гряд, насадила в бока много ретек. Ни на гряду жо их ишо! И так хорошо растут; Со сметаной сделаю ретечку сперва поись; Ретешны пельмени я ни стряпывала, капуста только, не мясны дак (В); Кто задаётся, его обзывают ретешна задача. Он задаётся: редьку всё ес, а прийдёт да хвалится, што мясо, а его и обзывают ретешна задача (У-С).

В «Исследовании о лексике русских говоров» Ф. П. Филина (М.—Л., 1936, стр. 152) приведено слово *ретюха* — одно из диалектных названий брюквы, бытовавшее в говорах Муромского уезда Владимирской губернии. Не однокоренное ли оно со словом *редька*? Если так, то произношение типа *ретек*, *ретечка* было характерно и для тех говоров, где образовалось *ретюха*. Возможность вычленения корневого элемента *рет'* подтверждается также наличием в пермском просторечии формы *рет-ищ-а* и даже бессуффиксного (очевидно, окказионального) *рет-я*. *Во ретища выросла! Какая ретя огромная!*

Действие закона аналогии наблюдается в отдельных формах имен существительных *тетрадь*, *тетрадка*. Оглушенный *д* на конце слова и перед суффиксальным глухим *к* повлиял на согласный в сильной позиции в определенных формах.

Посмотри, говорю, у их в тетратях-то: поди, колы да двойки; К школе купила Лена по десять кетраток обем (В).

Колебания в произношении слов с *г* или *к* наблюдаются и в русском литературном языке. Например: *мяконький* — *мяконький*, *мяенький* — *мякенький*; *галоши* — *калоши*. Произношение имени прилагательного с *г* пермским говорам чуждо, употребительно только *мяконький*. Из пары *галоши* — *калоши* чаще употребляется *колоши*, а также производные: *колошки*, *колошнёшки*.

Последовательное оглушение *г* в сильной позиции по аналогии со слабой наблюдается в трех словах, в фонетическом отношении совершенно одинаковых: *дёготь*, *ноготь*, *коготь*. По

⁵ «Вопросы культуры речи», вып. 3. М., изд. АН СССР, 1961, стр. 181.

механизму оглушения они подобны слову *желуток*, только здесь аналогизируется не *д* перед *к*, а *г* перед *т*.

Де на то уж дёкоть если есь, лутше не надо для обую, для бахил, для сапогов (М); Дёгтю бы, декоток коже надо! (В); Почернел нокоть: стукнул по пальцу-ту молотком; Нокоть у мя сходил, долго болел палец. Сеелку тракторну на ходу чистила, шестерёнки, да палец-то задёрнуло. Я на его целый колпачок бензину вылила! Чё йшо надо! В больницу не бывала, всё так прошло. Нокоть - от весь сошёл, под им новой нарос; У скота болесь такая есь — дутой нокоть. (Вопрос: «У коней тоже бывают мышки?») *Коней-то ишо пушше мышки-те берут! Сдуётся под кожей мышка — вот и дутой нокоть. Мышку зубами давят скрозь скатёрку (В); Кокоткí спрягала кошецька, крадётся; У медвидя когти, у волка когти. У кота вот у нашего кокоткí. Кокотóчки у его вострые! (В).*

Слово *кокоток* в значении «загнутые вилы для срывания навоза» было известно, например, в говоре с. Марьегорское Архангельского уезда и волости (см. «Исследование о лексике русских говоров» Ф. П. Филина, стр. 144). Значит, перед нами опять особенность не только пермская.

В некоторых формах слов наблюдается произношение *п* на месте *б* и *ш* на месте *ж*. Подобно *бутка* — *буток*, *лотка* — *лоток* произносится часто *пропка* — *пропок*, *реже* — *юпка* — *юпок*; *лошка* — *лошек*, *крушка* — *крушек*, *пряшка* — *пряшек*, *фурашка* — *фурашек* — *фурашечка*, *облошка* — *облошечка*.

Нету хороших корковых пропок. Надо мне пропочку вот эту бутылку заткнуть (В); Не носили юбки, не было сперва юпок, всё были сарафаны (Г); Малиньку юпочку кукле сшила (В).

С *п* перед гласным отмечено слово *обабок*. *Обапок* — это *красноголовик*, *токо* у него *крышка* не *красная*, а *серая* (В).

У меня было двадцать лошок в хозяйстве. Дочери взаимуж вышли — я им по лошке не дала, никакого приданного не просили милые; Чайны лошечки вот тут в банке лежат, не знаю, из-под чего она, дёржим всё вилки в ей да чайны ложки (В); Снова лошечка красна, а приохлебатся — под горой навалятся (посл., М); У меня не было фурашек, не носил их (В); Фурашечки были с лаковым козырьком (М); Шашмура круглая была, с хвостиком. Пришивали облошечку. Сзаде делали крючок и застегивали (Ил).

Наблюдались случаи, когда отдельные учащиеся деревенских школ Пермской области, узнав, что правильно *ложек*, а не *лошек*; *кружек*, а не *крушек*, стали говорить и писать также *чажек* вместо *чашек*; *крыжек* вместо *крышек*; *чажечка* и особенно часто — *крыжечка*. В передачах пермского радио-

вещания можно услышать: *Негде купить хоккейных клюжек*.

Представляет интерес слово *колымажка* (в произношении *каламашка*) — «род повозки с ящиком». Ассоциации с именем существительным *колымага* утратились, если только они когда-либо имели место в говоре: данной лексемы нет в активном словоупотреблении. Перед суффиксальным глухим *к* возникший из *г* в результате чередования звонкий согласный *ж* переходит в слабой позиции в *ш* точно так же, как в слове *ложка*; *ш* произносится и в сильной позиции.

В день по десять каламашок земли привозили, когда роботали эту дорогу. Надо кажну каламашку наклась и розгрузить (В).

В речи 54-летней работницы, контролера ОТК одного из заводов г. Перми, местной уроженки, зафиксировано слово *каламашка* в значении «ящичек, небольшая тара для деталей».

Одну каламашечку проверю, потом уж домой пойду. Вот ещё каламашечку проверила.

Для пермских говоров является новым слово *варежка*, форма *варега* совсем не употребляется.

Мы раньше не слыхали никаких варешок, испотки да и всё. Это нонче стали варежками звать (В); Нет у меня варешек. Я варешек говорю, не знаю, почему (ученица 6 класса, г. Пермь).

Представляется очевидным, что главную роль в «оглушении» звонкого согласного в сильной позиции играет аналогия со слабой позицией:

лотка	-- лоток
бутка	— буток
испотка	— испоток
слатко	— слаток, слатость
сатко	— сатость
тетратка	--- тетраток
(болезнь) желутка	— желуток
(нет) дёкта	--- дёкоть
нокти	— покоть
кокти	— кокоть
ретька	--- ретек
пропка	--- пропок
лошка	--- лошек
крушка	— крушек
пряшка	— пряшек
фурашка	— фурашек
варешка	— варешек

и т. д.

Достаточно важна, по всей вероятности, и утрата внутренней формы приведенных слов, отсутствие большого словообразовательного ряда, где бы обязательно осуществлялось отчетливое произношение звонких согласных. В род. п. мн. ч. таких имен существительных, как *кадка, грядка, гудки*, звонкий согласный *д* сохраняется, на наш взгляд, потому, что он звучит в словах *кадочка, кадушка, кадулька; гряда; гудок, гудит*, а также в формах *нет кадец, на грядах* и т. п.

По аналогии с глухим конечным согласным слабой позиции в корнях слов: *под, комок, инвалид, фонд, флаг, туберкулез* и т. п. — стали и в сильной позиции в этих словах и их производных произносить глухой согласный на месте звонкого.

Ерушник — *хлеб это раньше пекли свой, потовой. Ерушниками называют, коровой или ерушник; Хоть какой сами пекли. Я белый пекла да какой-то на поту пекла; Под печкой настиляется потовик. Сама печь на нём держится (А); Деньги были убранны из кормана, в камоте были спрятаны. Жена-та не обробела, спрятала, да камот-от на замок закрыли (Ил); Енвалиты мы старыё, робить ничё не можем (В).*

— Сколь жеребят-то кормишь?

— Восемнадцать.

— Ой, дивно! Там кто кормит, у Николы-то?

— Марфа Агафониха. Там фонтоские жеребята.

— Каки фонтоски?

— Отобраны для войны, в фонд Красной Армии (В; диалог записан автором в 1949 г.).

При изменении слова *фонд* произношение *т* перед гласным отмечается и в говорах Свердловской области: *Семена засыплют — выделяют фонта; на ясли фонт, старикам фонт*⁶.

С красными флаками ходили рабочие (М); В ерманску это было. Ероплан пал на нашу землю. А летчик остался жив. Тряпочку билиньку поднял и сидит с этем флаком. Белой флачок у его, он в плен сдаётся. Ну, опленили его (В).

По аналогии с оглушенным согласным конца слова *туберкулёс*⁷, *беркулёс* произносят *туберкулёсный, чаще беркулёсный (А); рематисный, лекарство от рематису (В); Тут какой-то маленькой паровосик ходил! Акционерно-французско общество (занималось добычей медной руды когда-то. А); Чупик свой причасывает Андрюша, стоит перед зеркалом (В).*

Изредка наблюдается «оглушение» звонких согласных пе-

⁶ В. Н. Светлова. Фонетические особенности некоторых говоров восточных районов Свердловской области. Ученые записки Тюменского пединститута, вып. 1. Тюмень, 1960, стр. 72. В этой работе приведен ряд фактов подобного оглушения согласных перед гласными.

⁷ В русском литературном языке известны случаи потери звонкости конечным согласным при заимствовании, например, *матрос* из голландского *matroos*. Этот факт приведен в книге Л. Д. Микитич «Иноязычная лексика» (Л., «Просвещение», 1967, стр. 53).

ред сонорными, например, в слове *передряга*, которое ассоциируется у носителей пермских говоров с глаголом *перетрясать*.

Попал в перетрягу (Г); Семейны перетряги у их. Оне ругались — я пришёл; Кака-та перетряга вышла. Перетрясат чё-то жись-та — вот и перетряга (У-С).

Без влияния ассоциаций оглушается *д* в имени прилагательном *парадный* (ход, лестница, дверь, крыльцо). *Ворота заперты — надо с паратнего заходить (Ил)*. Также в слове *белобрыйый*. *Ревёт, такой уж неловкой. Чё ему надо? На-ко вот чечку! Вот палку возьму, выпросишь — набыю. Белопрысы какой! (А).*

Не действием закона аналогии, а другими причинами обусловлено произношение глухих на месте звонких согласных в имени существительном *фундамент*⁸, а также в словах *сода, бумазая, чеботарь, батрак* и их производных, в некоторых собственных именах. Произношение *фунтамент* с *т* на месте *д* является результатом ассимилятивного изменения и этимологического переосмысления слова.

Двухэтажный дом на каменном фундаменте у Корелина, с полесадником был; А этот дом без фундаменту, он на четырнадцати сосновых пнях стоял (В); Онбар большой, строгановской шио. Он на фундаменте поставлен (Ил).

В печенье, в блины соту маленько кладу, с ей лутше (В); Стёральну соту нонче вовсё на берём: изьедат шибко руки (М). В войну мыла не было, дак с сотоу стирались (ст. Б).

В именах собственных иногда также может происходить «оглушение» звонких согласных перед гласными: *Онкўта, Онкўтушка*, но *Онкудїн, Иван Онкудинович, Марфа Онкудиновна; Нефётушко, но Нефёдович*. *Елизавету* называют *Лїза* и *Лїса*.

У Ваньки Лисина отца не было, его звали по матере. Иё Лиса звали, Лизавета Яколемна (М).

Наблюдается замена *в* на *ф* в именах собственных: *Лисафета, Лефонтей*. Из нарицательных имен существительных отмечены два примера: *портфейн* и *фестифаль*.

Оне по своему вкусу различаются. Портфейны — они из ягод, из яблок делаются, а вермут-от из чего? (А); В Москве-то фестиваль был в то время (В).

⁸ Интересно отметить удивительную устойчивость произношения *т* на месте *д* в двух этих словах. В г. Перми можно услышать *фунтамент* в речи рабочих-строителей, даже городских уроженцев. По свидетельству сотрудницы биологического факультета Пермского университета Н. А. Ардашевой, ее бабушка, жительница г. Березники Пермской области (причем именно поселка содовиков) говорит только *со́та, со́товой магазин*, несмотря на замечания членов ее семьи, работающих на содовом заводе, где и сама она работала до выхода на пенсию.

В пермских говорах часто можно слышать *помазэя* вместо *бумазэя*.

Ребёнку надо из помазейки шить, мяконькое; Помазеево платишко как хорошо, и тепло и всё! (В); Теперь много разного матерьяла стало. Да и байка есь. Теперь какой-то байкой называют, а мы помазейкой звали; Есь юбка — помазэя. Раньше звали иё байкой, дак я понеть-то ишо не могла. Потом я узнала, што это помазэя; Большую-то визиткой зовут, а малинькому-то робёнку, так визиточкой зовут. На машине шьют. Подкладчик на пумазее. Рукав-то простой, пуговицы наперед, как у пеньжака; Вот она, знашь, принесла мне пумазеи на кофту (А).

В пермском просторечии нами зафиксированы единичные случаи произношения *пукет* (букет) и *покал* (бокал). Последнее — лишь у представителей старой интеллигенции, — может быть, как дань старине⁹.

П на месте *б* перед гласным произносится также в словах *чеботарь*, *батрак* и их производных.

К чепотаріхе надо сходить: у иё морковно симё осталось, говорила — дас; Ефим Истратович у нас чепотáрил всё, тут над речкой-то жил. Давно уж умер. Тожно никакого чепотаря нету, на Чайковску носим (В); У нас был Паша Чепотарь. Он только этем и занимался, починивал ботинки, заплатки садил. Он фактически-то Перминов, а его никто не знал Перминов, а звали Чепотарь; Чепотарь токо чинит, а шить-то, наверно, и не шил, а чинить-то всё к нему носили. Опочинивать раньше говорили, а теперь ремонтировать говорят. Новых-то он мало, Паша-то, шил. Это к другому носили. Был ишо Федюня. Его Федюня Сапожник звали, а того — Чепотарь (У-С).

В пассивном словаре некоторых пермских говоров были слова *батрак*, *батрачка*, *батрачить*¹⁰, в настоящее время вообще уходящие из языка. Однако в народной речи они, метафорически переосмысленные, все же используются, о чем свидетельствует следующий контекст.

Девяты десятки живёт. Терпеть от такого старика! Куплю, говорит, сибе балагушку, чем каждой день быть на поруганье. Сем коз дою, говорит, молоко не ем. Он ес. Утром станёт — парной молоко готово. Патрачит на его, как патрачка.

⁹ См. подробно о фонетических вариантах *бокал* (с франц.) и *покал* (под влиянием немецкого языка) в книге Р. П. Рогожниковой «Варианты слов в русском языке» (М., «Просвещение», 1966, стр. 26—27).

¹⁰ В аналогичных значениях соответственно использовались: *строшный*, *строшница*; *работник*, *работница*; *по строкам ходить*, *в строку жить*. *Иван Тарасович у их состарилса в работниках, зимой быкоф корьмил, летом боронил; Строшница жала у их (В).*

Вышла за его да и не рада. На богатство-то обзарила — через золото слёзы текут (К).

Мне, баушка, надо в школу идти. Не пойду я коров караулить. Нашли тожо патрака! Не буду я патрачить на вас! (В).

Широко распространено произношение *т* на месте *д* в словах *кеды* и *педагог*.

Ленка, давай снимай мои кеты! Нашто их опять наде-ла! (В); Он в Конец-Борской школе петагогом работал, я знал его (У-С); Собрание учительское будет. Нам не надо идти. Только одни петагоги будут; У нас школа малинькая — петагогов мало (В).

В слове *цитадель* наблюдается то глухой *т* на месте *д*, то перестановка этих звуков (метатеза): *цитатель*, *цидатель*.

Ассимилятивного происхождения глухой *с* на месте *з* в слове *Казахстан*.

У меня средняя дочь Лидя далёко в Касастане живёт, николды не приезжат (А).

*
* * *

Как показывает иллюстративный материал, наибольшее количество примеров произношения глухих согласных на месте звонких в сильной позиции приходится на фонему *д*, меньше — на *б*, *г*, *ж* и совсем мало на *з* и *в*.

Основной причиной такой замены является морфологически обусловленная аналогия со слабой позицией.

Определенную роль играет забвение родственных слов. Показательно, что интересующее нас произношение наблюдается часто в словах с неясной этимологией и заимствованиях.

Наконец, не исключена возможность мотивировать описываемое явление данными акцентологического характера. Обращает на себя внимание тот факт, что произношение глухих согласных вместо звонких перед гласными звуками отмечается чаще всего в первом ударном слоге. См. таблицу.

В 1-м ударном слоге

с ударением на 1-м слоге

в двусложных словах в трехсложных словах

лб́ток	лб́точка
	лб́тошный
б́ток	б́точка
	б́тошник

рѣтек	рѣтечка
	рѣтешный
слáток	слáтости
	слáтенький
лóшек	лóшечка
крúшек	крúшечка
пряшек	пряшечка
прóпок	прóпочка
юпок	юпочка
сóта	сóтовый
кѣты	
дѣкоть	
нóкоть	
кóкоть	
чúпик	
Лйса	

фóнтовский

с ударением на 2-м слоге

в трехсложных словах

желúток
обáпок
испóток
тетрáток
тетрáти
Онкúта
фурáшек

в четырехсложных словах

испóточка
тетрáточка
Онкúтушка
фурáшечка
Нефѣтушко
подлóтошный
подлóтошник

с ударением на 3-м слоге

паровóсик
енвалíты
каламáшек
каламáшечка

Во 2-м заударном слоге

вáрешек

В ударном слоге

регулярно, высокочастотно: битóн
фунтáмент
редко: цитатѣль
фестифáль
портфѣйн

В предударном слоге

патрáк,
патрáчка
патрáчить
чепотáрь
чепотáрить
петáгóг
пумазѣя
Касáхстáн

с переходом ударения на суффикс:

декотóк
нокотóк
кокотóк

Чтобы более четко определить причины, порождавшие анализируемое явление, необходимо располагать обширным фактическим материалом. Данная работа представляет собой попытку показать хотя бы часть того, что может быть собрано при специальном обследовании живой народной речи в соответствующем аспекте.

Условные обозначения

А — Акчим Красновишерского р. на
В — Волети Нытвенского р. на
Г — Гурино Краснокамского р. на
Ил — Ильинское Ильинского р. на
К — Карабаи Краснокамского р. на
Кр — Крюково Оханского р. на
М — Мошево Нытвенского р. на
ст. Б — ст. Баская Чусовского р. на
У-С — Усть-Сыны Краснокамского р. на

СОДЕРЖАНИЕ

Т. И. Ерофеева. О территориальном варьировании устной формы литературного языка (на материале речи пермской интеллигенции)	3
В. Г. Масалова. Сценические нормы и местное произношение	22
Ф. Л. Скитова, Е. А. Огиенко. Из наблюдений над словарным запасом одного человека	26
Н. П. Потапова, Ф. А. Горякина. Построение отрицательных предложений (по материалам говором северной части Пермской области)	40
/ Л. А. Грузберг, Ф. Л. Скитова. Конструкции типа <i>врач пришла</i> в народной разговорной речи	50
/ А. А. Грузберг. Конструкции типа <i>нет вода</i> в говорах Пермской области	62
Л. К. Андреева, Н. В. Горланова. Существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами в народной разговорной речи	71
Л. А. Грузберг, Г. А. Ненахова. <i>Артелью</i> — наречие или существительное? (К вопросу об адвербиализации творительного падежа существительных)	79
Е. Н. Полякова. Слово <i>согра</i> в пермских памятниках XVII века и в современных говорах Пермской области	83
А. А. Мошева. Не только <i>битон</i> (о словах с глухими согласными на месте звонких в сильной позиции)	93

Литературный редактор Е. Огиенко
Технический редактор Э. Фролова
Корректор В. Тихомирова

Сдано в набор 10/1 1971 г. Подписано к печати 21/1 1972 г.
ЛБ02021 Объем 6,75 п. л. Тираж 1000 экз.
Заказ 1060. Цена 63 коп.

Тип. изд. «Звезда», г. Пермь, ул. Дружбы, 34.